Н. П. Быковъ.

КНЯЗЬЯ ОСТРОЖСКІЕ и ВОЛЫНЬ.

Введеніе въ историческую записку

„Пятидесятилѣтіе Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго Братства".

Съ портретомъ и двумя видами.

В. Г. Скрипковская

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1915.

КНЯЗЬЯ ОСТРОЖСКІЕ и ВОЛЫНЬ.

Введеніе въ историческую записку „Пятидесятилѣтіе Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго Братства“.

Графиня Антонина Дмитріевна Блудова въ 1865 году основала на Волыни, въ городѣ Острогѣ, Св. Кирилло-Меѳодіевское православное церковное братство, которое, съ тѣхъ поръ непрерывно продолжая и развивая свою дѣятельность, въ текущемъ 1915 году, такимъ образомъ, достигло до пятидесятилѣтія своего существованія.

При составленіи исторической записки о полувѣковой дѣятельности братства, невольно явилась мысль, что было бы не безполезно, въ цѣляхъ объясненія причинъ, вызвавшихъ графиню А. Д. Блудову на учрежденіе братства, на наименованіе его Св. Кирилло-Меѳодіевскимъ и, наконецъ, на избраніе Волыни и въ частности города Острога, какъ мѣста дѣятельности братства, предпослать хотя бы краткій очеркъ исторической жизни Волыни и, въ особенности, участія въ ней, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, князей Острожскихъ, ревностныхъ поборниковъ православной вѣры и „защитителей“, какъ ихъ называли, русской народности въ юго-западной Руси.

Составленный въ силу этихъ соображеній бѣглый очеркъ предпосылается въ настоящее время отдѣльнымъ изданіемъ къ исторической запискѣ основанія и дѣятельности Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, въ видѣ введенія къ таковой.

Петроградъ.
1915 года.

Князья Острожскіе и Волынь.

Въ предѣлахъ Волынской губерніи, при сліяніи рѣкъ Виліи и Горыни, лежитъ незначительный, съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ, городъ Острогъ. Изъ 17.913 его жителей въ немъ числится православныхъ 5.515 человѣкъ, католиковъ 1.759, протестантовъ 2, магометанъ 8 и евреевъ 10.628 [1]).

Возстановленный изъ развалинъ послѣ двухъ съ половиною вѣкового запустѣнія православный Богоявленскій храмъ, полуразрушенныя величественныя башни, остатки древняго замка, наконецъ, католическій костелъ, архитектуры православныхъ церквей, говорятъ объ иномъ прошломъ Острога. Онъ былъ нѣкогда городомъ съ исключительно православнымъ населеніемъ, мѣстомъ пребыванія, въ теченіе трехъ столѣтій, владѣльцевъ его православныхъ князей Острожскихъ, ревностныхъ защитниковъ православной вѣры и русскаго народа отъ польскаго натиска и засилья, — равно и просвѣтительнымъ центромъ для края. Острогъ городъ древній: о немъ упоминается уже въ лѣтописи подъ 1100 годомъ, когда онъ былъ отданъ Давиду Игоревичу взамѣнъ Владимірскаго стола [2]). Судьба этого города тѣсно связана съ судьбою всей Волыни и князей Острожскихъ. Вмѣстѣ переживали всѣ они нераздѣльно и славу, и горе.

---

[1]) Памятная книжка Волынской губерніи на 1913 г. Житоміръ 1914 г., стр. 52.

[2]) Энциклопедическій словарь Брокгаузъ и Эфронъ. Спб. 1897 г., т. XXII. стр. 363 и Г. К. Лукомскій. Волынская Старина. Кіевъ. 1913 г., стр. 13.

Названіе Волыни произошло отъ древняго, нынѣ не существующаго, города Велыня или Волыня. Жители всей тяготѣвшей къ этому городу области назывались сначала Дулѣбами, Бужанами и лишь впослѣдствіи стали себя именовать Волынцами или Волынянами. Въ X вѣкѣ Волынь признавалась уже княжествомъ. Послѣ смерти князя Ярослава Мудраго въ 1054 г., Волынь досталась на долю Игоря Ярославича, остававшагося, впрочемъ, недолго въ ней; онъ предпочелъ взять себѣ Смоленскъ, куда и переѣхалъ черезъ два года. Волынскій же столъ занялъ его племянникъ Ростиславъ Владиміровичъ, но и этотъ послѣдній князь оставался короткое время на Волыни: въ 1064-омъ году онъ ушелъ въ Тмутаракань. Въ 1073 г. Волынь была отдана сыну великаго князя Святослава Ярославича Олегу [1]) Олегъ Святославовичъ, собственно говоря, и долженъ почитаться первымъ княземъ Волынской земли въ виду своей осѣдлости въ ней въ противоположность своимъ предмѣстникамъ, которые были лишь временными владѣтелями. Въ 1117 г. Волынской землей завладѣлъ Владиміръ Мономахъ, потомокъ котораго Романъ Мстиславовичъ присоединилъ къ Волыни Галицію. Съ этого времени судьба двухъ этихъ областей долгое время носила почти тождественный характеръ. Послѣ смерти Романа въ 1205 году, Галиція отошла къ его сыну Даніилу, а Волынь досталась брату послѣдняго Василько. Дальнѣйшая жизнь Волыни на нѣкоторое время представляется не ясно освѣщенной исторически. Извѣстно лишь, что она подпала подъ власть литовскихъ князей и, совмѣстно съ Галиціей, должна была избрать своимъ княземъ литовскаго князя Любарта Гедеминовича, братъ котораго великій князь литовскій Ольгердъ въ то же время подчинилъ подъ свою руку нѣкоторыя другія рус-

---

[1]) А. М. Андріашевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1887 г., стр. 106, 112.

скія земли [1]). Замѣчательное явленіе наблюдается въ жизни двухъ сосѣднихъ земель—Литовской и Западно-русской. Первая, въ лицѣ своихъ князей, подчиняетъ западную Русь политически, въ то же самое время эта послѣдняя подчиняетъ себѣ Литву въ культурно-общественномъ значеніи. Западно - русскіе славяне съ исторически незапамятныхъ сношеній и со временъ Татарскаго ига, путемъ общей съ литовцами политической жизни, передали большинству ихъ свой языкъ, свои религіозныя православныя убѣжденія и свои нравы до того, что во время соединенія впослѣдствіи Литвы съ Польшей при Ягеллѣ, все Литовское княжество скорѣе и вѣрнѣе можно было назвать русскимъ по національности, чѣмъ литовскимъ [2]). Это замѣченное Польшей единеніе русскихъ земель съ Литвой не могло не вызвать зависти и недовольства съ ея стороны, и вопросъ, кому владѣть русскими землями—Польшѣ или литовскимъ князьямъ—предоставленъ былъ разрѣшенію оружія. Какъ связанные судьбою съ литовскими владѣтельными князьями, выступали на борьбу съ поляками и русскіе князья, въ томъ числѣ и Острожскіе.

Происхожденіе князей Острожскихъ доселѣ остается точно не установленнымъ. Одни, основываясь на старомъ южно-русскомъ лѣтописцѣ, полагаютъ, что этотъ родъ происходитъ отъ потомка Св. Владиміра Даніила Романовича Галицкаго, другіе же считаютъ, что родъ князей Острожскихъ идетъ отъ князей Пинскихъ и Туровскихъ, въ свою очередь, происходящихъ отъ Св. Владиміра, чрезъ его правнука Святополка Изяславовича. Послѣднее предположеніе представляется наиболѣе вѣроятнымъ и обоснованнымъ. Въ старинныхъ памятникахъ кіевскихъ церквей имѣется запись: «Родъ Князя Константина Ива-

---

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г., стр. 70.

[2]) М. Кояловичъ. Люблинская унія Литвы съ Польшей. „День". 1861 г. № 10.

Сергиевская

новича Острозскаго». Имена предковъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: князь Георгій, князь Дмитрій, князь Даніилъ, князь Ѳеодоръ и, соотвѣтственно, имена княгинь: княгиня Варвара, княгиня инокиня Елисавета, княгиня Василиса и княгиня Агафія, въ инокиняхъ Агриппина, причемъ князь Георгій (Юрій) и его княгиня Варвара именуются благовѣрными князьями Туровскими, именно которые и происходятъ отъ Св. Владиміра чрезъ правнука его Святополка Изяславовича: родной внукъ сего послѣдняго имѣлъ внука Владиміра князя Пинскаго, отъ котораго родился Юрій или Георгій Туровскій и Пинскій [1]). Независимо сего въ концѣ Волынской лѣтописи сказано: «Въ лѣто 6800 (1292) представися Пинскій князь Юрій, сынъ Владиміровъ [2]).

Первымъ исторически достовѣрнымъ Острожскимъ княземъ считается Даніилъ (1340—1359 г.) [3]). Ему почти во все время его княженія пришлось вести борьбу съ Польшей. Такъ, въ 1341 г., когда поляки напали на Галицію и Волынь, князь Даніилъ призвалъ къ себѣ на помощь татаръ и вытѣснилъ изъ своей земли поляковъ вплоть до Вислы; затѣмъ, онъ, укрѣпивъ, въ цѣляхъ защиты отъ поляковъ, Острогъ, принялъ участіе въ войнѣ съ Польшей литовскихъ князей, присоединившись къ послѣднимъ, несмотря на то, что еще въ 1340 году онъ призналъ свою зависимость отъ Польши, но эта война была неудачна для Руси и Литвы. Польскій король Казиміръ нанесъ своимъ соперникамъ полное пораженіе, и война окончилась уже послѣ смерти князя Даніила въ 1366 году миромъ, по которому часть Волыни,

---

[1]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ. 1866 г., стр. 3, 5 и 6.

[2]) Прот. А. Ѳ. Хойнацкій. Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ, или Патерикъ Волыно-Почаевскій. Москва. 1880 г. стр. 96—97. Тоже Н. И. Теодоровичъ. Историко-Статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Почаевъ. 1888 г., стр. 632.

[3]) Годы исторической извѣстности.

въ томъ числѣ и Острогъ, отошла къ Польшѣ [1]). Въ силу создавшагося, какъ вслѣдствіе неудачной войны, положенія, сынъ князя Даніила Θеодоръ Даниловичъ (1386—1446) могъ вступить во владѣніе Острогомъ лишь по полученіи отъ короля Ягайло въ Луцкѣ 4 ноября 1386 года грамоты на это владѣніе, которое, впрочемъ тою грамотою было значительно расширено и преумножено нѣсколькими городами. Эта грамота впослѣдствіи была подтверждена и со стороны великаго князя литовскаго Витовта. Подтвержденіе грамоты великимъ княземъ литовскимъ требовалось потому, что Волынь, какъ уже было выше сказано, находилась въ подчиненіи Великому Княжеству Литовскому [2]). Въ 1389 году Ягайло снова подтвердилъ наслѣдственныя права за княземъ Θеодоромъ на княжество Острожское и Заславское; Витовтъ же, въ свою очередь, особою грамотою утвердилъ за нимъ Бродово, Радогощъ, Межеричи, Свищево и пр.

До 1408 года исторія молчитъ о князѣ Θеодорѣ, когда онъ снова выясняется на горизонтѣ ея. Между литовскими князьями, отпавшими отъ православія и принявшими въ 1385 году въ Краковѣ католичество [3]) — Витовтомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Ягайло, съ одной стороны, и православнымъ Свидригайло, съ другой, возникла борьба, во время которой Свидригайло былъ схваченъ находившимися на Волыни польскими войсками подъ начальствомъ Медусскаго и, по приказанію Витовта, заточенъ въ Кременецкій замокъ, подъ надзоръ кременецкаго старосты Фалькенберга; десять лѣтъ протомился въ цѣ-

---

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г. стр. 69 и Прот. А. Θ. Хойнацкій. Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій. Москва, 1888 г., стр. 98.

[2]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ, 1866 г. стр. 8.

[3]) Свящ. І. Флеровъ. О православныхъ церковныхъ братствахъ, противоборствовавшихъ уніи въ Юго-Западной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. Спб., 1857 г., стр. 5.

пяхъ въ этомъ замкѣ Свидригайло, пока не былъ освобожденъ княземъ Θеодоромъ Даниловичемъ.

Выступивъ на военное и политическое поприще и будучи по своему призванію воиномъ и въ то же время прозорливымъ правителемъ, князь Θеодоръ Даниловичъ сдѣлался настоящимъ предводителемъ и главою русскаго дѣла. Онъ обратилъ свой взоръ на Свидригайло, который ему нуженъ былъ, какъ единовѣрный союзникъ, и князь Θеодоръ задумалъ его освободить, употребивъ для сего военную хитрость: Князь Θеодоръ подослалъ двухъ преданныхъ ему шляхтичей Димитрія и Геліота, которые въ теченіе непродолжительнаго времени вошли въ довѣріе къ Фалькенбергу. Выбравъ подходящій случай, князь Θеодоръ въ страстной четвергъ 1408 года неожиданно появился съ 500 воиновъ подъ стѣнами Кременецкаго замка и, быстро проникнувъ туда, освободилъ Свидригайло. Послѣдній, воспользовавшись свободой, немедленно удалился въ Венгрію [1]). Князь Θеодоръ не ограничился тѣмъ, что освободилъ Свидригайло, онъ даже принудилъ Витовта дать освобожденному удѣлъ [2]), чтобы еще болѣе расположить къ себѣ на пользу русскаго дѣла Свидригайло. Полагая, что обезпеченіе Руси отъ польскаго вліянія можетъ быть достигнуто лишь соглашеніемъ съ Москвой, Θеодоръ Даниловичъ направляетъ туда Свидригайло. Великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ, будучи, въ свою очередь, дальнозоркимъ политикомъ, оцѣнилъ значеніе союза съ западною Русью, и, несмотря на то, что былъ женатъ на дочери Витовта, послалъ въ помощь Свидригайло Московскія войска противъ своего тестя. Хотя война окончилась безъ боя, но тѣмъ не менѣе Великій князь Василій Дмитріевичъ выговорилъ у Витовта

---

[1]) Прот. А. Θ. Хойнацкій. Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій. Москва, 1888 года, стр. 100.

[2]) Ярушевичъ. Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Смоленскъ. 1897 г., стр. 48.

вольности и льготы для православныхъ подданныхъ послѣдняго: католическая пропаганда среди литовцевъ на время прекратилась [1]). Что касается лично Свидригайло, то великій князь далъ ему удѣлъ на Руси во Владимірѣ на Клязьмѣ [2]). Устроивъ дѣло съ Свидригайло, князь Ѳеодоръ обратилъ свои взоры на Чехію: онъ искалъ опоры и союза въ единовѣрномъ и единоплеменномъ народѣ. Послѣ смерти чешскаго короля Вячеслава въ 1414 году, чешская корона перешла къ нѣмецкому императору Сигизмунду, который, по наущенію папы, рѣшилъ «утопить въ крови чеховъ ученіе Гусса». Чехи стали искать помощи у поляковъ: затѣмъ они хотѣли избрать своимъ королемъ Витовта, но послѣдній, хотя и отклонилъ это предложеніе, но, тѣмъ не менѣе, послалъ въ Чехію «охотниковъ» подъ предводительствомъ Сигизмунда Корибутовича. Князь Ѳеодоръ присоединился къ послѣднему. Императоръ долженъ быть отступить предъ «охотниками», и 16 мая 1422 года Сигизмундъ Корибутовичъ и князь Ѳеодоръ вступили въ Прагу, причемъ Корибутовичъ объявилъ себя королемъ Чехіи. Засимъ, въ 1430 году князь Ѳеодоръ еще разъ принималъ участіе въ гусситскомъ движеніи чеховъ, именно Силезскомъ походѣ [3]).

Витовтъ, какъ занявшій Волынь при содѣйствіи Ягайло, само собою разумѣется, не могъ сопротивляться польскому вліянію и проникновенію на Волынь католиковъ-поляковъ, желавшихъ тамъ селиться. Вліяніе это было настолько сильно и вмѣшательство во внутреннюю жизнь настолько велико, что, по смерти Витовта въ 1430 году, Свидригайло могъ занять Волынскій столъ лишь съ согласія короля Казиміра IV. Въ то же время Польша, воспользовавшись смертью Витовта, завладѣла

---

[1]) Острожское Св. Кирилло-Меѳодіевское братство. Сборн., стр. 32.

[2]) Прот. А. Ѳ. Хойнацкій. Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій, Москва, 1888 г., стр. 102.

[3]) Тоже, стр. 103.

Галиціей и, несмотря на признаніе Свидригайло княземъ Волынскимъ, покушалась даже захватить и Волынь: но тогда на помощь Свидригайло поспѣшилъ князь Ѳеодоръ Даниловичъ. Отбивъ отъ Луцка въ 1431 году Ягайло съ большими потерями для послѣдняго, князь Ѳеодоръ двинулся въ Подолію и отнялъ ее у захватчиковъ поляковъ въ 1432 году, заставивъ поляковъ очистить Волынь [1]).

Послѣдовавшій затѣмъ неожиданный разладъ съ Свидригайло отразился весьма неблагопріятно на судьбѣ князя Ѳеодора: онъ понесъ пораженіе отъ своего бывшаго союзника, а затѣмъ противника, и былъ захваченъ имъ въ плѣнъ. Но тогда на защиту своего князя поспѣшили волынцы и подоляне и, въ сообществѣ съ поляками, освободили князя Ѳеодора. Участіе поляковъ въ освобожденіи, повидимому, какъ будто примирило князя съ послѣдними [2]); но ничуть не отдалило его отъ своихъ завѣтныхъ цѣлей.

Вся дѣятельность князя Ѳеодора Даниловича была направлена къ укрѣпленію русскаго дѣла на Волыни. Какъ русскій, онъ ходилъ войной на поляковъ, какъ славянинъ, онъ, вмѣстѣ съ литовцами и поляками, принималъ участіе въ борьбѣ въ 1410 году при Грюнвальдѣ, гдѣ Ягайло разбилъ магистра Ливонскаго ордена, и, какъ хорошо понимавшій силу племенной взаимности и особенно солидарности съ духовными интересами единокровныхъ сосѣднихъ съ Русью народовъ, явился сподвижникомъ чеховъ въ гусситской войнѣ.

Устроивъ и упрочивъ политически Волынь и обезпечивъ ее отъ польскаго вторженія, равно положивъ основаніе могуществу и богатству князей Острожскихъ,

---

[1]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ. 1866 г., стр. 9, 10 и 47.

[2]) Прот. А. Ѳ. Хойнацкій. Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій. Москва. 1888 г., стр. 111.

князь Θеодоръ Даниловичъ передалъ княженіе своему сыну Василію Красному и тѣмъ закончилъ въ мірѣ свою бурную, полную треволненій, жизнь; самъ же, какъ изображено въ тропарѣ преподобному князю Θеодору, «Преобразилъ земнаго княженія славу во иноческій образъ смиренія и вмѣсто враговъ видимыхъ на невидимое ополчился», между 1441—1446 годами, какъ сказано въ Патерикѣ Хойнацкаго[1]), удалился въ Кіево-Печерскій монастырь и тамъ принялъ постриженіе подъ именемъ Θеодосія. Найдя въ тиши обители миръ своей душѣ, онъ посвятилъ себя служенію Богу. Господь Искупитель внялъ сему служенію, и князь Θеодоръ, по блаженной кончинѣ, послѣдовавшей во второй половинѣ XV вѣка, православной церковью причисленъ къ лику святыхъ въ концѣ XVI столѣтія, и честныя мощи его почиваютъ въ дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской лавры.

Сынъ князя Θеодора Василій Красный (1428—1461 г. г.) не внесъ личной окраски въ жизнь Волыни, и она продолжала итти по той дорогѣ, по которой твердою рукою направилъ ее князь Θеодоръ Даниловичъ. Будучи вѣрнымъ сыномъ церкви, онъ приступилъ къ сооруженію замковой Богоявленской церкви въ Острогѣ, оконченной постройкой лишь при внукѣ его Константинѣ Ивановичѣ. Справедливость, однакожъ, требуетъ сказать, что князь Василій не былъ чуждъ политикѣ — онъ всѣми силами старался противодѣйствовать стремленію Польши присоединить къ себѣ Литву, такъ, въ 1447 году, по восшествіи Казиміра (литовскаго князя) на польскій престолъ, онъ настоялъ на коронаціонномъ сеймѣ, чтобы Польша обязалась признать Литву и Русь равною съ собою страною[2]). У князя Василія Краснаго было два сына: старшій Георгій — получилъ Изяславъ (позднѣе польскій За-

[1]) Прот. А. Θ. Хойнацкій. Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій. Москва 1888 г., стр. 114, 117.

[2]) Н. И. Теодоровичъ. Историко-Статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Почаевъ, 1888 г., стр. 637.

Серединовский

славъ) и сдѣлался родоначальникомъ князей Заславскихъ, Острогъ же перешелъ во владѣніе второго сына Ивана Васильевича (1466—1474 г.), удержавшаго за собой титулъ князя Острожскаго. Князь Иванъ Васильевичъ, какъ истинно преданный православію, построилъ въ Межеричѣ прекрасную церковь во имя Св. Троицы и два монастыря: Троицкій въ Дермани и Преображенскій въ Дубнѣ, затѣмъ, какъ воинъ, унаслѣдовавъ мужество своего дѣда, онъ проявилъ боевыя доблести, выразивъ ихъ въ юности въ побѣдахъ надъ крымскими татарами на берегу рѣки Случи и у Краснова въ 1455 году[1]). Титулъ князя Острожскаго затѣмъ перешелъ къ сыну Ивана Васильевича Константину Ивановичу (род. 1460, ум. 1530 г.). Насколько князья Василій Ѳеодоровичъ и Иванъ Васильевичъ были относительно миролюбиваго направленія, настолько князь Константинъ Ивановичъ былъ преисполненъ энергіи и преданъ военному дѣлу. Не расположенный къ Москвѣ, не оцѣнившій важности связи съ нею для защиты русскаго дѣла въ борьбѣ съ Польшей, онъ, занятый мыслью объ основаніи русско-литовскаго государства, не высказывалъ по отношенію Московскаго государства добрыхъ намѣреній. Напротивъ, онъ даже вступилъ съ нимъ въ борьбу, оказавшуюся ему, однако-жъ, первоначально не по силамъ, а посему и не равную. 14-го іюня 1499 года, во время битвы московскихъ войскъ съ литовцами близъ Дорогобужа, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ, но затѣмъ, спустя 7 лѣтъ, при князѣ Василіи III, отпущенъ[2]). Обладая выдающимися военными способностями, Константинъ Ивановичъ не успокоился послѣ своего пораженія и плѣна; напротивъ, онъ выжидалъ лишь случая, и когда въ 1512 году война возобновилась съ Московскимъ государствомъ, онъ былъ болѣе счастливъ, чѣмъ раньше, и имѣлъ возможность разбить московскія войска у Орши;

---

[1]) Н. И. Теодоровичъ. Историко-Статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Почаевъ, 1888, стр. 638.

[2]) Тамъ-же, стр. 639.

вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же году, а потомъ и въ 1527 году онъ на голову разбилъ татаръ и взялъ въ плѣнъ свыше 20.000 человѣкъ, которыхъ въ нѣкоторой части поселилъ въ отдѣльной слободѣ близъ Острога[1]), носящей и по настоящее время названіе «Татарской улицы». Имѣя въ нѣкоторой степени тяготѣніе къ Польшѣ, князь Константинъ Ивановичъ умѣлъ ладить съ ней, но не въ ущербъ, однако-жъ, русскому православному народу и его вѣрѣ. Будучи религіознымъ человѣкомъ и сознавая, что храмы Божіи связываютъ и укрѣпляютъ въ вѣрѣ народъ, онъ построилъ много церквей, изъ нихъ, двѣ въ Вильнѣ, считая въ томъ числѣ возобновленную имъ Троицкую церковь, которую построила въ 1330 году княгиня Марія, супруга великаго князя литовскаго Ольгерда.

Осыпанный дарами польскихъ королей и отличаясь скромностью въ личной жизни, князь Константинъ Ивановичъ увеличилъ свое состояніе до громадныхъ размѣровъ, чѣмъ еще болѣе упрочилъ значеніе и вліяніе князей Острожскихъ.

Послѣ его смерти княжескій титулъ и все несмѣтное богатство перешло сначала къ его старшему сыну Ильѣ, прожившему, однакожъ, недолго и скончавшемуся въ 1542 году, затѣмъ, послѣ смерти Ильи,—ко второму сыну, Василію, или, какъ его обыкновенно называли въ честь отца, Константину Константиновичу, родившемуся въ 1527 году. Унаслѣдовавъ отъ отца твердость воли и мужество, князь, тѣмъ не менѣе, не увлекался военнымъ дѣломъ, и успѣхи оружія на бранномъ полѣ не манили его къ себѣ; но когда являлась необходимость выступать на защиту своей земли, онъ, не обинуясь, посылалъ свои войска на врага, или когда былъ обязанъ къ тому необходимостью въ силу своей зависимости отъ Польши, какъ, напримѣръ, въ 1579 году, когда Стефанъ Баторій

[1]) Н. И. Теодоровичъ. Историко-Статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Почаевъ 1888 г., стр. 640.

двинулъ свои войска противъ Іоанна Грознаго, князь Константинъ Константиновичъ тоже долженъ былъ направить свою рать на Сѣверскую землю, и войска его дошли вплоть до окрестностей Смоленска[1]). Въ то время, когда московскіе государи сокрушили татарскія царства Казанское и Астраханское и начали тяжелую борьбу съ крымскими татарами, князья Острожскіе внесли также свою лепту на это обще-русское дѣло. Въ 1574 году войска князя Константина Константиновича разбили напавшихъ на Подолію татаръ подъ Бѣлгородомъ (Акерманомъ); засимъ, когда въ 1577 году татары снова вторглись въ Подолію и Волынь, ихъ войска были разсѣяны войскомъ князя Константина Константиновича подъ предводительствомъ сына послѣдняго Іоанна (Януша). То же повторилось и въ 1582 году. Современные бытописатели называли князя Константина Константиновича великимъ оборонителемъ земель русскихъ и подольскихъ отъ татаръ[2]), король же польскій Стефанъ Баторій, ставшій католикомъ изъ протестанта для польской короны, называлъ князя Константина Константиновича верховнымъ хранителемъ и защитникомъ православной церкви въ западной Руси[3]).

Къ сожалѣнію, Константинъ Константиновичъ, какъ и его отецъ, да и вообще никто изъ князей Острожскихъ послѣ князя Ѳеодора, тяготясь подчиненіемъ польскому вліянію, не искалъ освобожденія отъ него въ опорѣ на единовѣрное Московское государство. Князь Константинъ Константиновичъ велъ лишь внутреннюю политику. Съ ранней юности своей онъ стремился къ просвѣщенію, видя въ немъ источникъ силы для защиты православія и русской народности отъ польско-іезуитскаго натиска. Воспи-

---

[1]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ, 1866 г., стр. 25.

[2]) Родъ князей Острожскихъ, защитителей юго-западной Руси. Коломыя. 1884, ч. II, стр. 34, 35.

[3]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ. 1866 г., стр. 25.

танный въ вѣрѣ отцовской, онъ былъ крѣпокъ въ ней и своимъ примѣромъ и вліяніемъ развивалъ эту крѣпость и у другихъ православныхъ. Обладая колоссальнымъ состояніемъ, онъ былъ, какъ и его отецъ, весьма скроменъ въ своей личной жизни; но въ то-же время и пышно гостепріимнымъ. Его дворъ состоялъ изъ 2.000 человѣкъ: дворянъ, бояръ и служащихъ людей—военныхъ и дворовыхъ слугъ[1]).

Владѣнія князя Константина Константиновича охватывали площадь нѣсколькихъ уѣздовъ нынѣшней Волынской губерніи, Луцкаго, Кременецкаго и Дубенскаго, не считая Острожскаго. Эти владѣнія упирались, съ одной стороны въ Мозырскія болота и въ Кіевскую губернію—съ другой, на юго-западной части въ Подолію; въ Червонной же Руси ему принадлежалъ «Ключъ Тарновскій», какъ приданное его жены, рожденной Тарновской. Владѣлъ князь 61-мъ замкомъ, 100 городами, и 1.300 селами, съ землей въ 2.000.000 морговъ. На его землѣ было построено 10 монастырей и до 600 церквей. Доходность же отъ имѣній достигала до 1.200.000 золотыхъ, суммы колоссальной по тому времени[2]). Историкъ юго-западнаго края Максимовичъ считаетъ владѣніе Острожское нѣсколько въ меньшемъ размѣрѣ, но все-таки громаднымъ, а именно: въ 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 670 селеній, не считая владѣній Тарновскаго и на Литвѣ. Не даромъ существовала поговорка: «богатый якъ Острозскій[3])». Князь Константинъ Константиновичъ считался въ три раза болѣе богатымъ, чѣмъ даже польскій король. Это громадное состояніе, въ связи съ происхожденіемъ и положеніемъ, давало ему возможность особенно сильно проявлять свое вліяніе въ жизни Волыни и соз-

---

[1]) Родъ князей Острожскихъ, защитителей юго-западной Руси. Коломыя. 1884 г. ч. II, стр. 67.

[2]) Священникъ Тучемскій, Городъ Острогъ. Почаевъ. 1913 г., стр. 26, 30.

[3]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ. 1866 г., стр. 47.

давало ему достаточную независимость. Князь Константинъ Константиновичъ считалъ себя владѣтельнымъ княземъ: на его портретѣ, находящемся въ Братскомъ женскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ въ Острогѣ, имѣется надпись: Constantinus Dux in Ostrog in Tarnow.

Видя, что польское вліяніе, сопровождаемое воинствующимъ католицизмомъ, неустанно разливается на Волыни, князь искалъ опоры для борьбы съ нимъ въ распространеніи просвѣщенія, въ особенности среди духовенства, которое, въ смыслѣ образованія, не стояло въ то время на должной высотѣ и, по своей неподготовленности, не могло дать надлежащаго отпора католическимъ ксендзамъ [1]), получившимъ возможность энергично наступать на православіе съ помощью и съ наущеніемъ іезуитовъ, призванныхъ въ Польшу и Литву въ 1560 году. Вначалѣ іезуиты появились въ Краковѣ въ 1565 году, а затѣмъ въ Вильнѣ въ 1569 году [2]). Причины призыва іезуитовъ были таковы: начало XVI столѣтія явилось эпохою великаго умственнаго и религіознаго движенія въ Западной Европѣ. Реформатскія ученія, въ промежутокъ времени между 1540 и 1596 годомъ начавшіяся распространяться между польской аристократіей чрезъ воспитаніе юношества въ Западной Европѣ, коснулись и православныхъ знатныхъ родовъ, одинаково съ поляками посылавшихъ своихъ сыновей въ иностранныя училища, въ томъ числѣ и университеты [3]). Римская церковь замѣтила эту опасность движенія реформатской мысли и послала въ Польшу іезуитовъ, которые сразу установили свое весьма сильное вліяніе въ то же время и на Волыни, причемъ ихъ натискъ, направленный на реформатство, одновременно былъ перенесенъ и

---

[1]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ. 1866 г., стр. 30.

[2]) Тоже, стр. 28.

[3]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898 г., стр. 248.

на православіе, въ сохраненіи котораго іезуиты усматривали большую преграду для польско-католическаго прозелитизма [1]). Для православныхъ же Западно-Руссовъ, какъ говоритъ Харламповичъ, существованіе протестантизма имѣло большое значеніе: въ немъ была ясна и сильна энергія просвѣтительной дѣятельности, усердіе къ изученію слова Божіяго, проповѣдничество, устная и письменная полемика съ латинствомъ, заведеніе типографій, школъ, и князь Константинъ Константиновичъ, обративъ на все это вниманіе, писалъ епископу Ипатію Потѣю: «Оттого у нихъ повсюду школы, типографіи, госпитали и безчисленное множество проповѣдниковъ» [2]). Жившій въ то время на Волыни ревностный борецъ за вѣру православную князь Андрей Курбскій видѣлъ, какую страшную опасность готовятъ Волыни іезуиты. Именно онъ-то, неизмѣнный вдохновитель князя Константина Константиновича на духовно - просвѣтительные подвиги [3]), указалъ на опасность и первый подалъ мысль своему другу и единовѣрцу князю Острожскому на необходимость устройства училища и при томъ высшаго, которое могло бы изъ себя съ одной стороны представлять оплотъ для борьбы, а съ другой приготовлять учителей для низшихъ школъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, высокихъ душевныхъ качествъ, пламенѣвшій любовью къ православію и русскому народу. Ему, именно, обязанъ былъ князь Константинъ Константиновичъ въ своемъ укрѣпленіи въ православіи. Одно время у князя Острожскаго замѣчалась какая-то спутанность мыслей: двери его замка

---

[1]) Православная Богословская Энциклопедія. Петроградъ. 1913 г., т. II, стр. 1089.

[2]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898 г., стр. 213.

[3]) Профессоръ П. Жуковичъ. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій въ борьбѣ съ церковной уніей. Прибавленіе къ Церковнымъ Вѣдомостямъ 23 февраля 1908 г., № 8, стр. 355.

были открыты не только для православныхъ, но и для католиковъ, для протестантовъ и даже для представителей разнообразныхъ ересей и сектъ, число которыхъ на Литвѣ, а слѣдовательно и въ Западной Руси, достигало до семидесяти [1]). Князь Острожскій присматривался и прислушивался ко всѣмъ толкамъ и ученіямъ, но разобраться въ нихъ, повидимому, не былъ въ состояніи и опасности отъ сношенія съ ними не понималъ. Аріанская ересь занесена была въ юго-западный край бѣжавшими изъ Москвы монахами Ѳеодосіемъ Косымъ и Игнатіемъ и получила на Волыни замѣтное распространеніе: «Волынь неисцѣльнѣ болѣла», какъ писалъ князь А. М. Курбскій [2]). Это распространеніе преуспѣвало, въ извѣстной степени, благодаря нѣкоторому спокойному отношенію князя Константина Константиновича къ этой ереси, мирившагося съ таковой, ошибочно усматривая въ ней лишь средство для борьбы съ латинствомъ. При его дворѣ даже проживалъ одинъ аріянинъ, нѣкій Мотовило, который занимался составленіемъ полемическихъ сочиненій противъ римско-католической церкви и этимъ подкупалъ князя Острожскаго. Одно изъ этихъ сочиненій князь Константинъ Константиновичъ препроводилъ князю Курбскому, чтобы узнать мнѣніе сего послѣдняго объ этомъ произведеніи. Князь Курбскій, ознакомившись съ нимъ, написалъ князю Острожскому: «О, государь мой превозлюбленный, зачѣмъ ты прислалъ мнѣ книгу, написанную непріятелемъ Христа, помощникомъ антихриста и вѣрнымъ слугою его. Съ кѣмъ ты дружишь, съ кѣмъ сообщаешься, кого на помощь призываешь? Прими отъ меня, слуги своего вѣрнаго, совѣтъ съ кротостью: перестань дружиться съ этими супостатами. Трикратно молю тебя, перестань такъ поступать, будь подобенъ праотцамъ твоимъ по

---

[1]) А. Ефименко. „Южная Русь". Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Южнорусскія братства. Спб. 1905 г., стр. 26.

[2]) Арсеній Сѣлецкій. Острожская типографія и ея изданія. Волынскія Епархіальныя Вѣдомости. Сентябрь, 1885 г. № 26.

ревности къ благочестію [1])». Получивъ такой отвѣтъ, князь Константинъ Константиновичъ ясно уже представилъ себѣ грядущую опасность для православія, и онъ тогда же сталъ искать опоры у митрополитовъ и епископовъ, съ которыми велъ дружбу, и привлекать ихъ въ то же время къ борьбѣ и матеріальному обезпеченію православныхъ церквей [2]) и поддерживать одинаково болѣе тѣсныя сношенія съ церковными братствами, въ особенности съ Львовскимъ, этимъ оплотомъ православія, гдѣ въ братскомъ училищѣ высоко было поставлено образованіе юношества; за симъ началъ князь усердно изучать основанія открытія и организаціи училищъ. Наконецъ, подъ вліяніемъ высказанныхъ княземъ Курбскимъ мыслей, князь Константинъ Константиновичъ, въ семидесятыхъ годахъ XVI вѣка, открылъ въ Острогѣ училище, о которомъ изслѣдователь о западно-русскихъ школахъ въ XVI вѣкѣ Харламповичъ говоритъ, что это училище было первымъ западно-русскимъ училищемъ, отразившемъ въ своемъ устройствѣ вліяніе историческихъ теченій того времени. Князь Острожскій, учреждая его, сдѣлалъ первую въ западной Россіи попытку привлечь на служеніе православной вѣрѣ и церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ и русскому народу греческую и латинскую науки [3]). Въ училищѣ, которое по своему типу было скорѣе средней школой, нежели высшей, и во всякомъ случаѣ ниже Львовской, преподавали славянскій, греческій и латинскій языки, какъ имѣющіе особое значеніе въ смыслѣ гуманитарнаго образованія, какое въ XVI вѣкѣ исключительно господствовало на всемъ пространствѣ Европы, гдѣ только просвѣщеніе поднялось надъ тѣмъ уровнемъ, каковой назы-

---

[1]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892). Житоміръ, 1892 г., стр. 378.

[2]) Ярушевичъ. Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1461—1530 г.). Смоленскъ, 1897 г. стр. 220.

[3]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898 г., стр. 237.

вается грамотностью [1]). Это училище, которое князь Константинъ Константиновичъ желалъ возвести до высоты западно-европейскихъ университетовъ, было первою на Руси греко-славянскою школою для преподаванія вольныхъ наукъ [2]). Точное время основанія училища не извѣстно. Первое свидѣтельство о времени возникновенія его имѣется у Поссевина (подъ 1581 годомъ) въ его донесеніи папѣ Григорію XIII, въ которомъ онъ говоритъ: «князья русскіе, какъ Слуцкій и Острожскій, имѣютъ свои типографіи и школы, которыми далеко и широко распространяется схизма». Всего вѣроятнѣе училище открыто въ связи съ типографіей, т. е. въ 1576—1580 гг. [3]). Острожское училище вызвало подражаніе: оно, несомнѣнно, послужило примѣромъ и такимъ образомъ дало начало жизни Кіевскому братскому училищу, развившемуся позже, благословеніемъ Константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, бывшаго ректора Острожскаго училища, и подъ энергичнымъ управленіемъ Петра Могилы,—въ славную Кіевскую духовную академію [4]). Сначала въ училищѣ учителями были греческіе дидескалы, за которыми князь посылалъ уже по открытіи училища; свѣтскія же науки преподавали протестантскіе учителя; католиковъ не было вовсе, несмотря на то, что при дворѣ князя Константина Константиновича католическое вліяніе было значительно, но на училище католицизмъ вліять не могъ; протестантизмъ же имѣлъ это вліяніе, но только въ предѣлахъ учебной программы свѣтскихъ наукъ, внутренняго же строя училища и его православнаго духа оно не косну-

---

[1]) К. Харламповичъ. Острожская православная школа. Кіевъ, 1897 г., стр. 15 и 25.

[2]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ, 1866 г., стр. 27.

[3]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898 г., стр. 244, и его же „Острожская православная школа". Кіевъ, 1897 г., стр. 2 и 32.

[4]) Извѣстія отъ Св. Кирилла и Меѳод. братства. Острогъ, 1886 г., стр. 9.

лось [1]). Корпорація наставниковъ занималась составленіемъ церковно-политическихъ и историческихъ сочиненій. Въ эту пору воинствующій католицизмъ, во главѣ съ іезуитами, былъ, какъ сказано выше, еще болѣе, чѣмъ для православія, опасенъ для литовскаго протестантизма, искавшаго союзника въ православіи, но павшаго, въ отличіе отъ него, въ этой борьбѣ съ католицизмомъ. Князь Константинъ Константиновичъ не считалъ для православія опаснымъ прибѣгать къ помощи даже папы въ поискахъ учителей: послѣ встрѣчи съ папскимъ нунціемъ въ Краковѣ, онъ 8-го іюля 1583 года обратился съ посланіемъ къ папѣ Григорію XIII, въ которомъ, поблагодаривъ папу за присылку библіи, просилъ прислать для Острожскаго училища ученыхъ и испытанныхъ людей грековъ, которые могли бы переводить греческія книги на славянскій или, въ крайнемъ случаѣ, на латинскій языки. Обращался князь и къ восточнымъ патріархамъ о присылкѣ ученыхъ. Послѣдствіемъ этого ходатайства была присылка ученыхъ грековъ Кирилла, о которомъ выше упомянуто, и Никифора, въ качествѣ помощниковъ и руководителей князя Острожскаго [2]).

Первымъ ректоромъ училища или, какъ его называли, «тріязычнаго лицея», «русской коллегіи» . . . «школы грецкой», «академіи», былъ Герасимъ Смотрицкій, человѣкъ выдающагося ума, бывшій городской писарь въ Каменецъ-Подольскѣ [3]), а вторымъ, по времени, названный выше грекъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи Константинопольскій патріархъ. Сынъ Герасима Смотрицкаго Мелетій, воспитанникъ Виленской іезуитской ака-

---

[1]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898 г., стр. 256.

[2]) К. Харламповичъ. Зап.-русскія правосл. школы XVI и нач. XVII в. Казань. 1898 г., стр. 251, и его же „Острожская правосл. школа". Кіевъ, 1897 г. стр. 19.

[3]) К. Харламповичъ. «Острожская православная школа». Кіевъ. 1897 г., стр. 39, 40.

*

деміи [1]), написалъ два знаменательныхъ для своего времени сочиненія: «Рыданіе церкви восточной», въ которомъ онъ описывалъ притѣсненія, чинимыя католиками вѣрѣ православной, и которое занимаетъ видное мѣсто въ громадной полемической литературѣ западно-русскаго православія противъ католичества; другое—грамматика старославянскаго языка, напечатанная затѣмъ въ 1618 году въ Евью подъ Вильной и признаваемая современной наукой славянской филологіи однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ изученія драгоцѣннаго Кирилло-Меѳодіевскаго преданія — древняго церковнославянскаго языка. Кромѣ сего Мелетій Смотрицкій составилъ написанную имъ на латинскомъ языкѣ грамматику греческаго языка. Появились и другіе ученые, какъ, напримѣръ, Лаврентій Зизаній, воспитанникъ Львовскаго училища, который издалъ въ Вильнѣ въ 1596 году славянскую грамматику [2]).

Въ Острожскомъ училищѣ воспитывались между прочимъ: гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный и народный борецъ за вѣру православную Северій Наливайко [3]). Матеріально богато обставленное талантливыми преподавателями, училище въ непродолжительномъ времени заняло выдающееся положеніе въ смыслѣ укрѣпленія среди православнаго русскаго населенія началъ вѣры и народности. Объ этомъ училищѣ въ свое время писалъ, какъ было сказано выше, извѣстный Посеевинъ: «далеко и широко распространяется схизма», какими словами краснорѣчиво объяснилось значеніе училища. Но надо думать, что успѣхъ училища не былъ особенно продолжительнымъ: оно значительно ослабѣло своими научными силами уже въ 90-хъ годахъ XVI столѣтія: такъ, въ 1592 году князь Константинъ Константиновичъ

---

[1]) К. Харламповичъ. «Острожская православная школа». Кіевъ. 1897 г. стр. 14.

[2]) Родъ князей Острожскихъ, защитителей юго-западной Руси. Коломыя. 1884 г., ч. II, стр. 55, 56.

[3]) Священникъ Тучемскій. Городъ Острогъ. Почаевъ. 1913 г., стр. 10.

въ письмѣ къ Львовскому братству жаловался на недостатокъ учителей; затѣмъ, въ 1602 году центръ просвѣтительной дѣятельности, видимо, былъ уже перенесенъ въ Дерманскій монастырь, хотя Острожское училище продолжало еще существовать въ Острогѣ до 1624 года [1]) при жизни Януша и имъ поддерживалось въ память своего отца. Вообще, независимо поддержки Януша, училище могло еще существовать нѣкоторое время въ виду обезпеченія его княземъ Константиномъ Константиновичемъ путемъ передачи въ его пользованіе деревень Борисовки и Баклѣевки [2]), имѣнія Суражъ [3]), с. Турова, Оносковичей, Ходокова, Зѣнькова, Изерна и Тетерева [4]).

Возраставшій въ свое время успѣхъ Острожскаго училища усугубилъ дѣятельность польскаго католическаго духовенства, поддерживаемаго общей политикой польскаго правительства, и оно стало искать наиболѣе, вѣрныхъ путей для достиженія своихъ цѣлей. Надо было, во что бы то ни стало, уничтожить остатки самостоятельности Литвы и Волыни, чтобы, затѣмъ, легче было достичь окатоличиванія и ополячиванія края. Искусно была ведена интрига: въ 1569 году въ Люблинѣ собрался сеймъ, на который князь Константинъ Константиновичъ сначала не хотѣлъ ѣхать, но затѣмъ, вслѣдствіе личнаго увѣщеванія короля Сигизмунда-Августа, отправился туда съ другими своими соотечественниками. Онъ задолго еще до поѣздки въ Люблинъ уяснилъ себѣ цѣль и намѣреніе сейма. Онъ видѣлъ, что поляки желали завлечь литовцевъ и русскихъ въ государственную, яко-бы, унію,

---

[1]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и нач. XVII вѣка. Казань. 1898 г., стр. 259, 261.

[2]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892) Житоміръ. 1892 г., стр. 245—246.

[3]) Священникъ Сендульскій. Село Суражъ, Кременецкаго уѣзда. Волынскія Епархіальныя Вѣдомости. Сборникъ библіотеки братства Князей Острожскихъ въ Острогѣ.

[4]) К. Харламповичъ. «Острожская православная школа». Кіевъ. 1897 г., стр. 32.

но въ сущности въ полное подчиненіе Польшѣ; въ силу этого, какъ тѣ, такъ и другіе отказывались отъ этой уніи, видя въ ней конецъ самостоятельной жизни русскихъ и литовскихъ областей. Когда съ достаточной ясностью опредѣлилось настроеніе сейма, князь Константинъ Константиновичъ и многіе другіе уѣхали изъ Люблина, думая такимъ путемъ не допустить къ приведенію въ исполненіе желанія поляковъ; но это не помогло: Волынь была присоединена къ Польшѣ, а Литва слилась съ послѣдней, и самостоятельность этихъ земель такимъ образомъ была упразднена. Для Польши сліяніе съ Литвой было спасеніемъ ея отъ нѣмецкаго поглощенія. Ее ожидала участь поляковъ, жившихъ по Балтійскому поморью и по Одеру. Литва съ западной Русью такимъ образомъ укрѣпила ее, Польшу, противъ своей воли [1]). Несмотря на то, что государственная унія, поддерживаемая Польшей и литовскими магнатами, началась еще при Ягеллѣ въ 1386 году, она могла осуществиться лишь въ 1569 году, т. е. почти два столѣтія спустя. Это объясняется народнымъ тяготѣніемъ Литвы къ Руси. Само собою разумѣется, что послѣдствіемъ присоединенія русскихъ земель явилось еще большее усиленіе духовнаго вліянія Польши на Волынь, которое смѣло можно назвать жестокимъ нравственнымъ гнетомъ; усилилось переселеніе поляковъ на Волынь, проникновеніе которыхъ туда началось еще со времени князя Даніила путемъ занятія должностей правительственныхъ, придворныхъ, судебныхъ, путемъ женитьбы или пріобрѣтенія земельной собственности; но поляки всегда числились чужеземцами, и въ Статутѣ 1529-го года Польша считалась по отношенію къ княжеству Литовскому всегда чужой землей [2]). Люблинская унія развязала полякамъ и ксендзамъ руки, и они сдѣлались не только равными, но даже господами

---

[1]) И. П. Корниловъ. Князь Адамъ Чарторійскій. Москва. 1896 г., стр. 69.

[2]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898 г., стр. 27.

положенія. Дополнительно къ польскому гнету, наилучшимъ оружіемъ для давленія на православное крестьянское населеніе іезуиты сочли евреевъ. Переселившіеся изъ Польши на Волынь евреи, при содѣйствіи католическаго духовенства, быстро захватили въ свои руки всю торговлю и промыслы и заарендовали у помѣщиковъ ихъ владѣнія. Народъ, придавленный экономически, стоналъ подъ игомъ еврейскимъ, но былъ безсиленъ для борьбы съ нимъ. Евреи получили даже право казнить за проступки крестьянъ въ арендованныхъ отъ помѣщиковъ имѣніяхъ, что подтверждается договорными на аренду актами. Такъ, въ 1595 году князь Александръ Пронскій и его жена Ѳеодора Сангушковна отдали въ аренду городъ и замокъ Локачъ съ селами и фольварками пану Буркацкому и жиду Турейскому Абрамку на три года за 12.000 злотыхъ, съ предоставленіемъ арендаторамъ права судить крестьянъ, безъ права апелляціи къ князю Пронскому, и наказывать виновныхъ изъ нихъ, по мѣрѣ вины, даже смертью [1]). Въ томъ же 1595 году князь Сангушъ Кошарскій Григорій съ женой отдалъ мѣстечко Кошаръ съ селеніями въ аренду еврею Абрамку Шмойловичу и женѣ его Рыклѣ на пять лѣтъ за 5.000 злотыхъ, съ правомъ наказывать денежными пенями и смертью всѣхъ крестьянъ имѣній, взятыхъ въ аренду, виновныхъ и непослушныхъ [2]). Въ книгѣ Гродской Владимірской за 1596 годъ имѣется запись, что Яковъ Лисковскій съ женою Катериною отдали въ аренду ихъ имѣнія въ Холмскомъ повѣтѣ пану Миклашевскому и жиду Песаху за 2.000 злотыхъ съ правомъ «судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ пенями, а если бы кто заслужилъ по праву смерть, то карать и смертью» [3]).

---

[1]) Памятники, изданные Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1845 г., стр. 79.

[2]) Тоже, стр. 88—89.

[3]) Тоже, стр. 103.

Не легко было и мѣщанамъ, жителямъ городовъ и мѣстечекъ всѣхъ вообще, захваченныхъ евреями; это видно изъ того, что львовскіе мѣщане въ 1647 году принесли на сеймѣ жалобу чрезъ посредство епископа, что евреи, захвативъ въ свои руки всю городскую торговлю, поставили ихъ, мѣщанъ, въ невозможность не только обезпечивать собственное благосостояніе, но и платить повинности. И это была жалоба не одного города, подобныя жалобы поступали отъ жителей Каменца, Кіева, Ковеля, Винницы, Кременца, Хмѣльника, Дубно и проч. Сила евреевъ была въ ихъ солидарности. Они не считали себя обязанными по отношенію къ не евреямъ въ соблюденіи тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя они соблюдаютъ въ отношеніяхъ между собою. Они чувствовали себя будто пришельцами въ непріятельской землѣ и, пользуясь экономическимъ положеніемъ, эксплоатировали его въ свою пользу и подавляли болѣе многочисленное и болѣе полноправное даже населеніе, не стѣсняясь при этомъ никакими средствами. При этомъ нужно сказать, что евреи въ Польшѣ вообще не пользовались покровительствомъ со стороны правительства и владѣльцевъ городовъ, учитывавшихъ, однако, когда это было нужно, еврейскую силу; напротивъ, евреи всегда исключались изъ пользованія льготами, предоставлявшимися мѣщанамъ христіанамъ, и даже иногда подвергались особо стѣснительнымъ мѣрамъ со стороны властей. Такъ въ 1495 году великій князь литовскій Александръ приказалъ: «Жидову за земли нашое выбити» и велѣлъ конфисковать недвижимое имущество евреевъ; то же повторилось и при наслѣдникахъ Александра. Тогда евреи, при молчаливомъ согласіи властей, сплотились, въ смыслѣ внутренняго устройства, и организовали свое собственное внутреннее учрежденіе «кагалы», представители коихъ собирались въ «жидовскіе сеймики», постановленія которыхъ являлись обязательными для всѣхъ евреевъ. Въ числѣ мѣстъ, гдѣ имѣлись «кагалы» и собирались «жи-

довскіе сеймики», значится и городъ Острогъ [1]). Такимъ образомъ сорганизовалась страшная сила еврейства, которою и воспользовались іезуиты, направивъ ее, правительственнымъ путемъ, противъ православныхъ жителей западной Руси и Литвы, въ особенности противъ крестьянъ. Борьба была не равна; крестьянамъ оставалось одно средство—скрываться, что они и дѣлали, разбѣгаясь цѣлыми толпами. Одновременно съ грубымъ давленіемъ на простой народъ, католическое духовенство предприняло натискъ, но только въ осторожной формѣ, на духовную сторону наиболѣе по тому времени образованнаго класса. Вскорѣ послѣ Люблинской уніи, придворный королевскій проповѣдникъ іезуитъ Петръ Скарга издалъ въ 1577 году книгу «О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отъ сего единства отступленіи» и посвятилъ ее, въ расчетѣ на воздѣйствіе, князю Константину Константиновичу. Скарга въ своемъ сочиненіи развилъ основанія скрытыхъ мыслей Флорентинскаго собора 1439 года о поглощеніи христіанства папствомъ и, путемъ софизмовъ, доказывалъ неразрывность единства русской церкви съ западной. Засимъ тотъ-же Скарга, опровергая реформатскую ересь, написалъ трактатъ о ересяхъ греческихъ и русскихъ и поднесъ эти сочиненія князю Константину Константиновичу; послѣдній сначала даже какъ будто склонялся на доводы хитраго іезуита «о единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ», видя въ этомъ пользу для міра и мира христіанскаго [2]) и направилъ эти трактаты князю Курбскому, прося его дать отвѣтъ. Князь Курбскій, ознакомившись съ сочиненіями Скарги, написалъ князю Острожскому: «Годится-ли тебѣ, вельможнѣйшій и свѣтлѣйшій князь христіанскій, слушать догматы и просить

---

[1]) Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Кіевъ. 1885 г., т. I, стр. 188—192.

[2]) Родъ князей Острожскихъ, защитителей юго-западной Руси. Коломыя. 1884 г., ч. II, стр. 44.

отвѣтовъ на іезуитскіе фабулы и софизмы. Отъ лѣности все это происходитъ и нежеланія читать священное писаніе. Много я тебѣ лично напоминалъ читать его хотя понемногу; объ этомъ и до смерти не перестану напоминать тебѣ, потому что очень люблю тебя». Вообще князь Курбскій въ своихъ посланіяхъ совѣтывалъ православнымъ не входить въ споры съ латинянами. Получивъ эту отповѣдь, князь Константинъ Константиновичъ снова провѣрилъ себя, снова собралъ свои мысли и тогда-же сошелъ съ того опаснаго распутья, на которомъ стоялъ, и, сблизившись еще больше съ княземъ Курбскимъ, онъ уразумѣлъ, что іезуиты завлекаютъ его въ свои сѣти, что они искусно строятъ мостъ для перевода въ католическій плѣнъ не только простого православнаго народа, неподготовленнаго къ пониманію догматическаго различія между православіемъ и католичествомъ, но и шляхты и даже болѣе или менѣе образованной русской знати, и князь окончательно укрѣпился въ отцовской вѣрѣ и сдѣлался твердымъ и ревностнымъ защитникомъ ея, и когда Поссевинъ около 1582 года на совѣщаніи съ княземъ Острожскимъ поднялъ вопросъ о соединеніи церквей, князь уклонился дать отвѣтъ; но тогда же, немедля, попросилъ епископа Ипатія Потѣя пригласить митрополита и епископовъ обсудить на соборѣ вопросъ о соединеніи церквей и просить прибыть для сего восточныхъ іерарховъ-патріарховъ, при чемъ самый же соборъ, по мнѣнію князя, слѣдовало бы собрать, при участіи московскаго патріарха, въ Москвѣ.

Почти въ то же время, когда Скарга издалъ свою книгу, Поссевинъ, возвратившійся изъ Россіи послѣ своей поѣздки въ Москву, указалъ на легкій, по его мнѣнію, способъ наиболѣе незамѣтнаго для православныхъ присоединенія ихъ къ католичеству, путемъ сохраненія для присоединяемыхъ, при церковномъ богослуженіи, обрядовъ восточной церкви [1]). Новая опасность нарастала.

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПБ. 1888 г. стр. 127.

Князь понялъ, что іезуиты не сложатъ оружія. Пользуясь указаніемъ князя Курбскаго, онъ сталъ искать средствъ къ поднятію и просвѣщенію народныхъ массъ путемъ распространенія книгъ священнаго писанія, чтобы такимъ путемъ дать отпоръ іезуитамъ. Князь возлагалъ всѣ надежды на устроенныя имъ еще раньше двѣ типографіи— одну въ Острогѣ, другую при Дерманскомъ монастырѣ. Успѣху типографій главнымъ образомъ способствовалъ гастунскій діаконъ Иванъ Ѳедоровъ. Когда судьба послѣдняго сложилась такъ, что онъ, вмѣстѣ съ другимъ печатникомъ Петромъ Мстиславцевымъ, долженъ былъ въ 1565-мъ году оставить Московскій печатный дворъ, оба они прибыли на Волынь и нашли себѣ пріютъ у Ходкевича въ Заблудовѣ. Здѣсь они въ періодъ 1568—1569 г.г. напечатали Учительское евангеліе. Вскорѣ послѣ того Мстиславцевъ отправился въ Вильну, гдѣ раньше существовала типографія, старѣйшая въ западной Россіи, но затѣмъ, во второй половинѣ XVI вѣка заглохшая; Иванъ же Ѳедоровъ, послѣ отпечатанія Апостола, перешелъ во Львовъ, гдѣ также напечаталъ Апостолъ; но во Львовѣ дѣла печатника устроились для него неблагопріятно; онъ даже долженъ былъ заложить свою типографію; послѣ этого Ѳедоровъ идетъ къ князю Константину Константиновичу, который опредѣляетъ его «справцей» Дерманскаго монастыря [1]), а затѣмъ, послѣ 1-го сентября 1576 года, переводитъ его въ Острогъ. Здѣсь, вдали отъ Москвы и ея треволненій того времени, Иванъ Ѳедоровъ скромно отдался любимому своему дѣлу. Въ 1580 году напечатанъ «Новый Завѣтъ» съ «Псалтырью» [2]). Въ концѣ предисловія къ этому изданію читается: «Тѣмъ-же молимъ вы со всякимъ смиреніемъ, о благочестивый княже, да

---

[1]) К. Харламповичъ. Острожская православная школа. Кіевъ. 1897 г., стр. 7.

[2]) Экземпляръ Новаго Завѣта имѣется въ братскомъ во имя Св. Кирилла и Меѳодія храмѣ въ Острогѣ, гдѣ также хранятся изъ числа напечатанныхъ въ Острогѣ: Библія 1581 г., Мѣсяцесловъ 1612 г. и Евангеліе безъ начала, съ 35 зачала глава X отъ Матѳея.

воспріемши сіе рукодѣліе наше отъ насъ боголюбезно, яко первый овощь отъ дому печатнаго своего Острожскаго воздающе хвалу всѣмъ благимъ сдѣтелю Богу, яко да сподобилъ благодатію Своею и сіе желаемое бытійское дѣло, еже начахомъ, свершити, въ чемъ и хвалу имени Своего святаго, въ утвержденіи церкви Христовой и въ насажденіе всему народу русскому, вашему жъ княжецкому благочестію съ благородными ти чады, въ вѣчное благословеніе. Сего всегда отъ могущаго даты, яко рабы непрестанно просимъ вашему благочестію получити, въ много лѣтномъ здравіи съ душевнымъ спасеніемъ схраняюще заповѣди его непорочно, на въ нескончаемые вѣки. Аминь». Затѣмъ предположено было издать библію, но прежде, чѣмъ приступить къ напечатанію ея, князь Константинъ Константиновичъ разослалъ довѣренныхъ людей, въ числѣ ихъ и діакона Ивана Ѳедорова, въ Болгарію, Сербію, Грецію, на островъ Критъ, въ Константинополь къ патріарху Іереміи, въ цѣляхъ разысканія рукописей библіи, но славянскихъ рукописей нигдѣ не было найдено. Навстрѣчу князю Константину Константиновичу пошелъ великій князь московскій Іоаннъ Васильевичъ Грозный, приславшій, по просьбѣ писаря княжества Литовскаго Гарабурды, Геннадіевскій списокъ библіи [1]), но не въ полномъ, однакожъ, составѣ, не доставало въ немъ третьей книги Маккавеевъ. Эта книга была переведена затѣмъ въ Острогѣ съ греческаго подлинника. Въ написанномъ къ библіи ректоромъ Острожскаго училища Герасимомъ Смотрицкимъ предисловіи указывалось на пользу чтенія Св. Писанія [2]). Наконецъ, въ 1581 году, отпечатана полностью «Библія», съ предисловіемъ князя Константина Константиновича и Герасима Смотрицкаго и, кромѣ того, съ особой вступительной надписью, въ которой

---

[1]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898 г., стр. 220.

[2]) Родъ князей Острожскихъ, защитниковъ юго-западной Руси. Коломыя. 1884 г. ч. II, стр. 58.

князь говоритъ: «Я, Константинъ зовомый и во святомъ крещеніи Василій нареченный, милостію избавителя нашего Бога, князь Острожскій, воевода Кіевскій, маршалокъ земли Волынской, избранный въ Христѣ и возлюбленной братіи не только по тѣлу, но и по духу святымъ, всѣмъ, которые, гдѣ бы то ни было, обрящутся говорящими славянскимъ языкомъ и исповѣдующими православную вѣру, по духу апостольской и вселенской церкви, съ радостію ознаймую, что за благословеніемъ, милостію и ласкою Бога заслужилъ сдѣлать начало и сдѣлать конецъ сего труда, дабы вамъ всюду на око печатанный новый и ветхій завѣтъ для созерцанія и объявленія былъ» [1]). 5 мая того же года отпечатана «Хронологія» «Рымши». Это небольшое въ двѣ страницы стихотвореніе, въ видѣ расположеннаго по мѣсяцамъ изложенія нѣкоторыхъ событій. По мнѣнію К. Харламповича, это было ученическое произведеніе Острожскаго училища [2]).

Въ 1583 году напечатаны: «Листы Патріарха Іереміи» и «Діалогъ Патріарха Геннадія». Въ 1584 году книга Василія Великаго «О постничествѣ», по переводу, сдѣланному съ латинскаго языка, который исправилъ и дополнилъ князь А. М. Курбскій. На послѣдней страницѣ напечатано: «Сія книга Василія Великаго повелѣніемъ и властнымъ коштомъ и промысломъ ясне освѣшчоннаго вельможнаго князя Константина Константиновича Острожскаго, Воеводы Кіевскаго, Маршалка земли Волынской, Старосты Владимірскаго». Въ 1587 году Герасимъ Смотрицкій издалъ свое сочиненіе «Календарь Римскій Новый» и сатирическія «Вирши» на отступниковъ. Съ 1588 года въ изданіи книгъ принимаетъ участіе пресвитеръ Василій, издавшій два замѣчательныхъ сочиненія: «О единой истинной православной вѣрѣ и

---

[1]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892) Житоміръ. 1892 г., стр. 230.

[2]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898 г., стр. 252.

святой апостольской церкви», «Исповѣданіе объ исхожденіи Св. Духа» и «Сборникъ поученій или Евангеліе учительское». Въ 1595 году князь Константинъ Константиновичъ напечаталъ свое сочиненіе: «Оповѣщеніе о пребываніи въ православіи Греческой Церкви»; въ 1596 году издана книга: «Маргаритъ Іоанна Златоустаго» по переводу, сдѣланному съ латинскаго языка княземъ А. М. Курбскимъ; въ 1597 году «Выкладъ на Отче Нашъ» Леонтія Карповича и знаменитое сочиненіе Бронскаго (протестанта) подъ псевдонимомъ Христофора Филарета, «Апокризисъ» [1]), написанное имъ въ отвѣтъ на сочиненіе Скарги «Оборона Брестскаго Собора». Въ награду за это сочиненіе князь Константинъ Константиновичъ подарилъ Бронскому деревню Вильскъ; въ 1598 году напечатаны: «Отпись на листъ Отца Ипатія» (Потѣя) и такъ называемая «Книжица въ друкарни Острожской» въ десяти отдѣлахъ, гдѣ помѣщены «Листы Патріарха Мелетія къ православнымъ», между которыми помѣщенъ и «Листъ» князя Константина Константиновича. Кромѣ того, въ томъ же году напечатанъ Псалтирь съ Часословомъ, а въ 1599 году—«Псалтирь съ возслѣдованіемъ»; въ 1602 году напечатанъ «Часословъ», въ 1604 году—«Служебникъ», а въ 1606 году «Молитвословъ или Требникъ». Послѣднею книгою, напечатанною въ Острогѣ, при жизни князя Константина Константиновича, въ 1607 году была «Лѣкарство на оспалый умъ человѣческій». Эта книга состоитъ изъ двухъ «словъ» Св. Іоанна Златоуста къ Ѳеодору—падшему и на текстъ: «Обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый» и «Тестаментъ». Послѣднею же вообще книгою, уже послѣ кончины князя Константина Константиновича, напечатанною въ Острогѣ, былъ «Часословъ», изданный въ 1612 году при Янушѣ [2]). Общее

---

[1]) К. Харламповичъ. «Острожская православная школа». Кіевъ. 1897 г., стр. 31.

[2]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892). Житоміръ. 1892, стр. 226 и 229.

число книгъ, напечатанныхъ въ типографіи, считается до 300.000 экземпляровъ [1]) при двадцати названіяхъ [2]).

Для помѣщенія училища, типографіи и госпиталя въ Острогѣ князь Константинъ Константиновичъ основалъ въ 1582 году Троицкій монастырь, оконченный постройкой въ 1601 году [3]).

Не задолго до кончины князя Константина Константиновича значительная часть острожской типографіи была перенесена въ Дерманскій монастырь, гдѣ напечатаны: «Октоихъ» въ 1604 году, затѣмъ «Діалогъ о православной вѣрѣ» и «Листъ къ Ипатію Потѣю», написанный патріархомъ Мелетіемъ [4]).

Кромѣ острожской типографіи, въ юго-западной Руси существовали еще и другія типографіи: четвертинская, рахмановская, черницкая, луцкая, кременецкая; но еще раньше острожской были типографіи въ Вильнѣ, Львовѣ и Заблудовѣ.

Несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся княземъ Константиномъ Константиновичемъ къ обезпеченію потревоженнаго православія, унія и католическое ученіе усиливались все болѣе и болѣе. Къ величайшему горю князя Константина Константиновича, онъ увидѣлъ, что опора и учительство православія—іерархи, руководимые епископами Кирилломъ Терлецкимъ, Ипатіемъ Потѣемъ и Михаиломъ Рогозой, пошли на уступки, признали главенство папы и перешли въ такъ называемую унію, за ними перешло очень много и священниковъ. Четыре епископа: Кириллъ Терлецкій Туровскій, Гедеонъ Балабанъ Львовскій, Леонтій Пинскій и Діонисій Холмскій, скрытно отъ князя Константина Константиновича, отправили ко-

[1]) А. Ефименко. «Южная Русь» Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Южнорусскія братства. СПБ. 1910 г., стр. 216.

[2]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПБ. 1888 г., стр. 140.

[3]) Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898 г., стр. 252.

[4]) Родъ князей Острожскихъ, защитителей юго-западной Руси. Колом. 1884 г., ч. II, стр. 59.

ролю Сигизмунду грамоту, въ которой изъявили желаніе признать папу римскаго пастыремъ и главою. Нужно при этомъ замѣтить, что Гедеонъ вскорѣ же отказался отъ своего участія въ ходатайствѣ. Князь Константинъ Константиновичъ, озабочиваясь событіями, призвалъ въ свой Острожскій замокъ ученыхъ мужей и вмѣстѣ съ ними составилъ окружное посланіе ко всѣмъ православнымъ: «Отъ пременитыхъ, писалъ онъ, благочестивыхъ родителей съ молоду воспитанъ я былъ въ наказаніи истинной вѣры, въ которой и теперь укрѣпляемъ пребываю; извѣстился я Божіею благодатью и увѣрился въ томъ, что, кромѣ единственной истинной вѣры, въ Іерусалимѣ насажденной, нѣтъ другой вѣры. Но теперь, злохитрыми кознями вселукаваго дьявола, самые главные истинной вѣры нашей начальники, славою свѣта сего прельстившись и тьмою сластолюбія помрачившись, многіе пастыри наши, митрополитъ съ епископами въ волковъ притворились, святой восточной церкви отвергшись... Если татары, жиды, армяне и другіе въ нашемъ государствѣ хранять свою вѣру ненарушимо, такъ не съ большимъ ли правомъ должны сохранять свою вѣру мы, истинные христіане, если только всѣ будемъ въ соединеніи и за одно стоять будемъ. А я, какъ до сихъ поръ служилъ восточной церкви трудомъ и имѣніемъ своимъ въ размноженіи священныхъ книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца всѣми моими силами въ пользу братій моихъ служить обѣщаю. Такъ да поможетъ Богъ мени и всему православному народу греческой вѣры въ земляхъ русскихъ».

Немедленно, по отпечатаніи посланія въ острожской типографіи, оно было разослано по всему юго-западному краю; восточныхъ же патріарховъ князь Константинъ Константиновичъ одновременно съ тѣмъ особыми посланіями извѣстилъ о замыслахъ русскихъ епископовъ [1]).

[1]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892) Житоміръ. 1892. стр. 401, 403—404 и «Родъ князей Острожскихъ, защитителей юго-западной Руси». Коломыя. 1884 г., стр. 49—52.

Окружное посланіе возымѣло свое дѣйствіе: на защиту православной церкви выступили братства Львовское и Виленское. Первое поспѣшило, при содѣйствіи князя Острожскаго, примириться съ мѣстнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, съ которымъ оно вело продолжительную борьбу, а второе выставило борцомъ за православіе одного изъ своихъ учителей Стефанія Зизанія, написавшаго сочиненіе, въ которомъ прямо говорилось, что папа есть антихристъ. Православные, видя, что ихъ іерархи переходятъ въ единеніе съ Римомъ, просили князя Константина Константиновича ходатайствовать предъ королемъ о созывѣ собора. Въ отвѣтъ на просьбу князя король, зная, что почти всѣ епископы перешли въ унію, далъ лукавый отвѣтъ: онъ писалъ князю Острожскому: «Составить съѣздъ для общихъ разсужденій мы не разсудили. Предоставимъ это дѣло епископамъ. Ихъ пастырское дѣло пещись о спасеніи нашемъ, а наше— безпрекословно слѣдовать имъ и повиноваться, не допытываясь, какъ они учатъ, потому что Духъ Святой поставилъ ихъ вождями. А главное эти съѣзды болѣе затрудняютъ, чѣмъ помогаютъ дѣлу и доброму начинанію» [1]). Увидѣвъ же, однакожъ, впослѣдствіи, что выгоды положенія борьбы православныхъ съ католиками на сторонѣ послѣднихъ, король велѣлъ созвать соборъ въ Брестѣ въ октябрѣ 1596 года, обычно съ 1590 года созывавшійся тамъ, согласно постановленія епископовъ, для установленія церковныхъ порядковъ. Для того, чтобы указать оставшимся послѣ Брестскаго собора вѣрными православію и русскимъ людямъ на безсиліе ихъ епископовъ и въ то же время поддерживать перешедшихъ въ унію, іезуитами въ Римѣ была выбита медаль, на которой изображенъ сидящимъ на тронѣ папа, у ногъ котораго лежитъ распростертымъ русскій епископъ [2]).

---

[1]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892). Житоміръ. 1892 г., стр. 4.

[2]) Тоже, стр. 36.

Борьба между желавшими присоединиться къ католичеству, путемъ уніи, при посредствѣ отступниковъ епископовъ, между нѣкоторой частью знати и простымъ народомъ, желавшимъ остаться вѣрнымъ этой вѣрѣ разрѣшилась на Брестскомъ соборѣ въ 1596 году, гдѣ именно въ русской православной церкви и послѣдовалъ расколъ. На Брестскій соборъ пріѣхалъ князь Константинъ Константиновичъ съ 40 князьями и нѣсколькими тысячами дворянъ, всего до 10.000 православныхъ. Съ самаго начала уже на соборѣ обнаружился разладъ: образовалось какъ бы два собора—православные на одной сторонѣ, а уніаты съ католиками на другой. Экзархъ Константинопольскаго патріарха Никифоръ съ необыкновеннымъ достоинствомъ выставилъ на видъ величіе, истину православія и необходимость соблюдать православнымъ законность до самыхъ частностей [1]; но это не помогло: католики взяли верхъ; православные, однакожъ, не отчаивались; они, вѣруя въ правду, принесли жалобу королю Сигизмунду III; послѣдній, тѣмъ не менѣе, принялъ сторону уніатовъ и тогда-же воспретилъ не только строить, но даже и возобновлять православные храмы [2]. Начался явный переходъ русской и литовской знати въ католичество: въ 1598 году князь Георгій (Юрій) Чарторійскій открыто заявилъ о своемъ присоединеніи къ католичеству. Подъ актомъ этого присоединенія подписалось 57 литовско-русскихъ вельможъ и дворянъ. Съ тѣхъ поръ на Волыни возникло открытое гоненіе на неприсоединившихся къ уніи; въ особенности Потѣй и Терлецкій притѣсняли православныхъ [3]. Изъ общаго числа епископовъ остались вѣрными православію лишь два: Гедеонъ Львовскій и Михаилъ Перемышльскій. Но папи-

---

[1]) Кояловичъ. Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ. Москва. 1862 годъ, стр. 65.

[2]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПБ. 1888 г., стр. 128, 130.

[3]) Тоже, стр. 135.

стамъ этого было мало, имъ, во что бы то ни стало, хотѣлось завлечь въ унію князя Константина Константиновича. Они для этого привлекли самого папу. Климентъ VIII прислалъ князю грамоту, въ которой въ самыхъ льстивыхъ словахъ убѣждалъ его принять участіе въ уніи. Князь, въ отвѣтъ на это, писалъ папѣ: «Мы готовы на соглашеніе; но въ этомъ дѣлѣ уніи заключается множество сторонъ. Не сомнѣваюсь, что Ваше Святѣйшество отложите дѣло до дальнѣйшаго времени, когда отцы греческіе охотно приступятъ къ соединенію, ибо знаемъ, что Ваше Святѣйшество преимущественно имѣете въ виду всеобщее примиреніе и успокоеніе. Знаемъ, что, отдавая каждому свое, какъ Римской, такъ и Греческой церкви, и соединяя обѣ, какъ дщери Великаго Царя, ни у одной не отымете ихъ особенностей. Думаю, что Самому Творцу будетъ пріятно, когда въ мірѣ водворится покой, и когда это дѣло поистечетъ вмѣстѣ и отъ наивысшаго бискупа Римскаго и отъ патріарховъ Восточныхъ»[1]). Этотъ отвѣтъ былъ не по душѣ папистамъ. Они увидѣли, что князь Острожскій не тотъ уже болѣе, чѣмъ прежде онъ былъ: время неувѣренности, время колебаній прошло безвозвратно, князь сталъ несокрушимымъ ревнителемъ и защитникомъ православія. Князь увидѣлъ, что нужно вести борьбу неустанную, какъ вели его предки князья Даніилъ и Ѳеодоръ, борьбу, которая непрерывно и неустанно все время велась народомъ русскимъ.

Для того, чтобы окончательно стѣснить оставшихся вѣрными православію, отпавшіе отъ него вельможи начали строить костелы, всѣ же православныя церкви сдавали въ аренду евреямъ[2]). Волынцы затаили свое

---

[1]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892) Житоміръ. 1892 г., стр. 412.

[2]) Въ «Лѣтописи Григорія Грабянки», въ Памятникахъ, изданныхъ для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ, 1854 г., стр. 30 сказано: «Церкви Божіи жидамъ запродаяху и за дозволеніемъ жидовскимъ крещаху младенцы и всякіе обряды церковные благочестивыхъ подаяху жидамъ въ аренду». Въ лѣтописи же «Самовидца» (изданіе той же комиссіи для разбора актовъ, Кіевъ, 1878 г.,

*

горе въ надеждѣ на Бога и своего заступника князя Константина Константиновича, но князь былъ уже старъ, и будущее было поэтому безнадежно: православіе защищать было некому. Уніатское духовенство поощрялось всякаго рода преимуществами и льготами: такъ, оно освобождалось отъ воинскаго постоя, вся тяжесть котораго ложилась на православное духовенство; оставшіяся вѣрными православію жители юго-западной Руси и Литвы лишены права быть избираемыми на должности; въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, Каменцѣ православнымъ воспрещалось, наравнѣ съ евреями, жительство въ этихъ городахъ; церкви православныя запечатывались и духовенство изгонялось. Позже настало еще болѣе худшее время для православныхъ, которые, равно какъ и протестанты, лишены были права всякаго рода выборовъ вообще; православное духовенство лишено было права ходить со Св. Дарами по улицамъ; крещеніе, бракъ и похороны православныхъ могли быть совершаемы лишь съ разрѣшенія ксендзовъ, причемъ похороны можно было производить лишь ночью; въ городахъ всѣ православные и протестанты должны были присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ; въ селахъ въ оставшихся незапечатанными церквахъ колокольный звонъ воспрещался; каноническіе законы католиковъ были обязательными для всѣхъ православныхъ и протестантовъ. Наконецъ, смертью карался переходъ изъ католичества въ другое вѣроисповѣданіе. Такимъ образомъ, сначала огра-

---

стр. 371) говорится: «На большую православнымъ горесть церкви Божіи православныя жидамъ въ аренду или откупъ такъ запродавали, что жиды ключи отъ церкви у себя держали, и ежели какое набоженство отправлять, альбо младенца крестить или кого вѣнчать и проч., дань урочную отъ православныхъ взымали, священниковъ ругали и безчестили, били и волосы изъ бороды и головы рвали». Въ тѣхъ же Памятникахъ, Кіевъ, 1854 г., на стр. 99—102 сказано: «Яковъ Лысаковскій и его жена Катерина отдали въ аренду пану Якову Миклашевскому и жиду Песаху и ихъ потомкамъ имѣнія наши въ Холмскомъ повѣтѣ ..... , съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и всѣмъ тѣмъ, что дано на ихъ содержаніе со всѣми людьми тяглыми и нетяглыми».

ниченія и стѣсненія для православныхъ были незначительны, но затѣмъ они все болѣе и болѣе увеличивались и достигли особаго напряженія въ періодъ времени съ 1732—1764 годъ, когда среди православныхъ проявилось движеніе, направленное къ тому, чтобы, если не сбросить, то облегчить гнетъ [1]).

У князя Константина Константиновича было три сына: Константинъ, Иванъ (Янушъ) и Александръ. Иванъ воспитывался во Львовѣ, затѣмъ онъ былъ отправленъ ко двору нѣмецкаго императора Максимиліана II для изученія ратнаго дѣла. Тамъ онъ, опутанный іезуитскими сѣтями, измѣнилъ вѣрѣ отцовъ; Константинъ сначала тоже отступилъ, было, отъ православія, но потомъ возвратился въ лоно его и скончался въ 1595 году въ вѣрѣ отцовъ [2]). Вѣрнымъ все время православію остался одинъ лишь Александръ [3]). Одно время и по отношенію его князь Константинъ Константиновичъ высказывалъ нѣкоторое опасеніе, о чемъ и писалъ въ 1592 г. Львовскому братству. Основаніемъ опасенія Константина Константиновича служило то, что Александръ поселился у своего тестя, рьянаго католика Яна Костки, князя Ярославскаго [4]). Каждый изъ сыновей князя, еще при жизни отца, получилъ свой удѣлъ: Константинъ имѣлъ удѣлъ въ глубокой Полѣсской пущѣ — Берездовѣ, Александръ въ Староконстантиновѣ, Янушъ же въ Дубнѣ. Въ живыхъ ко времени кончины князя Константина Константиновича оставался лишь Янушъ, измѣна котораго православію глубоко опечалила его отца. Янушъ не

---

[1]) В. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Кіевъ. 1885 г. т. I., стр. 271—273.

[2]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ.1866 г., стр. 46.

[3]) Портретъ Александра имѣется въ училищѣ графа Д. Н. Блудова въ г. Острогѣ, подаренный братству А. И. Тарнавскимъ, со слѣдующею надписью: Alexander dux in Ostrog, Palantinus Volhinio Parens Fundaeris.

[4]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898 г., стр. 248.

скрывалъ уже болѣе своего отступничества: онъ явно передалъ построенную княземъ Иваномъ Васильевичемъ Межирицкую Троицкую церковь монахамъ францисканцамъ, которые на мѣстѣ православнаго храма, гдѣ была чудотворная икона Богоматери, устроили католическій монастырь, а икону Божіей Матери поставили въ храмѣ на столько высоко, что ее едва можно было видѣть; но, тѣмъ не менѣе, православный народъ приходилъ въ храмъ, чтобы хоть издали взглянуть умиленно на ликъ Св. Дѣвы и вознести Ей свою скорбь, свою печаль. Князь Константинъ Константиновичъ не перенесъ горя отступничества сына, и 13 февраля 1608 года тяжкое горе постигло Волынь вообще и городъ Острогъ въ частности: князь отошелъ въ вѣчность. Смолкъ навсегда неустанный, но никогда не имѣвшій счастья, борецъ за вѣру православную и русскій народъ, борецъ равный ревностью своею князю Ѳеодору.

Князь былъ погребенъ въ Богоявленскомъ храмѣ въ Острогѣ, что удостовѣряется надгробною надписью, но останковъ князя не обнаружено; полагаютъ, что они были перевезены его внучкой Анной-Алоизой въ Ярославъ въ Галицію [1]).

Надпись гласитъ такъ:

Надгробокъ яснеосвѣцонному Константину Константиновичу Князю Острозскому.

Ясне-освѣцонное Константинъ Константиновичъ въ Св. крещеніи нареченный Василіе

Княжа Острозскій

Въ житии и по отходѣ зъ свѣта сего ради его святобливости занете годно есть именовати

Мужъ Божій.

---

[1]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892) Житоміръ. 1892 г., стр. 413 и „Смиреннаго Антонія Архіепископа Волынскаго поученіе на поминовенный день по князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ 13 февраля 1908 года (для прочтенія въ храмахъ)". Почаевскій Листокъ 1908 г. № 7, стр. 41.

Отъ государей Королей Воевода Кіевскій, Маршалокъ землѣ Волынское, Староста Владимірскій

Именованъ.

Въ благочестіи же св. каѳолическія соборныя апостольскія церкви яко столпъ непоколебимъ отъ всѣхъ

Свидѣтельствованъ.

Славнаго роду российскаго, греческаго закону вѣру, въ ней же и родися, соблюде до конца.

Надежду имѣя въ день заплаты отъ Господа вышняго сподобитися нетлѣннаго вѣнца.

Ревнуя бо поревнова великому Константину царю.

Онъ же всѣхъ обще ходатай бысть крещенія.

Сице и сей Константинъ божественными письмени славенскими и книгами подвиги и скорбы своими роду россійскому зычилъ просвѣщенія,

Въ Острозѣ Богоспасаемомъ градѣ, отчизнѣ своей, преставися, успе о Господѣ въ церкви великой замковой.

И положенъ

До зготованныхъ обителей вѣрнымъ Божіемъ отыйде минуючаго вѣка сего есть

Свобожденъ

Родися въ градѣ своемъ Турове лѣта Божія нароженя 1527, преставися лета Божія нароженія 1608, имѣя житія своего лѣтъ 81 [1]).

Немного раньше, именно въ 1593 году, скончался другой сильный и вліятельный борецъ за православіе и русскій народъ князь Курбскій, и дѣло православно-русское подверглось великому испытанію. Единственнымъ наслѣдникомъ князей Острожскихъ остался Янушъ, со смертью котораго Острожскій княжескій родъ прекратился. Собственно говоря, духовно онъ прекратился еще со смерти князя Константина Константиновича. Столица князей городъ Острогъ, уже какъ вотчина лишь, переходилъ отъ одного владѣльца къ другому; владѣли имъ,

[1]) Сборникъ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, „Библіотека Братства имени князей Острожскихъ. Отдѣлъ IV по каталогу № 30“.

Стрелковскій

по волѣ короля Яна III, Вишневецкіе, Любомірскіе, затѣмъ Сангушки; начиная съ конца 1772 по 1863 годъ, Острогъ принадлежалъ князьямъ Яблоновскимъ [1]), затѣмъ Танѣеву. Въ настоящее время онъ составляетъ собственность удѣльнаго вѣдомства. Не трудно представить себѣ, какія послѣдствія произошли отъ перехода Острожскаго княжества во владѣніе Януша. Силы духовнаго обаянія и желѣзной руки князя Константина Константиновича больше не было. Многіе изъ знатныхъ родовъ, которые, хотя и были искушаемы іезуитами, при князѣ держались еще православной вѣры, подкрѣпляемые имъ. Съ его же кончиною, почва ушла изъ подъ ихъ ногъ; іезуитскій же натискъ, пользуясь слабостью нетвердыхъ въ вѣрѣ людей, усилился, и они не устояли. Сильный неудержимый потокъ смылъ все, что не было въ вѣрѣ крѣпко. Дочь сына князя Константина Константиновича Александра Анна, въ замужествѣ Ходкевичъ, совращенная своею матерью католичкою, рожденною княжной Ярославской, въ католичество, приняла имя Алоизы и сдѣлалась злою гонительницею православія. Въ 1624 году она закрыла Острожское училище, устроивъ въ томъ же году взамѣнъ его въ Острогѣ іезуитскій коллегіумъ [2]). Славные русскіе роды: князья Слуцкіе, Рожанскіе, Соломерецкіе, Мосальскіе, Радзивилы, Сангушки, Вишневецкіе, знатные роды: Ходкевичи, Сапѣги, Хребтовичи, Гурки, Заборовскіе, Жолкевскіе, Яловицкіе и другіе [3]) перешли въ католичество и, незамѣтно для нихъ самихъ, слились съ поляками, а затѣмъ и признали себя таковыми. Пышные цвѣты Рюриковичей не трудно было сорвать іезуитамъ ихъ ловкими руками, но корни народные имъ вырвать

---

[1]) Н. И. Теодоровичъ. Историко-Статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Почаевъ. 1888 г., стр. 653.

[2]) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898 г., стр. 261.

[3]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПБ. 1888 г., стр. 126.

не удалось. У народа была вѣра не широкая, правда, но глубокая, и его нельзя было сбить путемъ діалектическихъ хитросплетеній. Вотъ почему народъ поддался силѣ католическаго вліянія лишь въ незначительной своей части, перейдя въ унію; здоровые же корни остались не тронутыми. Они накопили въ себѣ горе и месть для того, чтобы въ будущемъ выразить ихъ въ открытой борьбѣ. Народъ ждалъ лишь вождей и дождался. Явился Богданъ Хмѣльницкій. 28 Апрѣля 1648 года онъ разбилъ поляковъ подъ Желтыми Водами и затѣмъ вторично—подъ Корсунемъ. Появились отдѣльные отряды, «загоны», доведенныхъ до озлобленія многолѣтнимъ притѣсненіемъ людей, и настало горе для ксендзовъ, поляковъ, уніатовъ и евреевъ. Пощады не было никому. Сагайдачный и Наливайко, бывшій воспитанникъ Острожскаго училища, тотъ самый Наливайко, котораго, когда, взявъ въ плѣнъ, поляки живымъ жарили въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ, не издалъ ни одного крика, ни одного стона,—они-то стали во главѣ отдѣльныхъ отрядовъ и очищали отъ поляка и его приспѣшника—еврея Волынь. Острогъ былъ взятъ и разоренъ нѣсколько разъ казацкими отрядами. Въ мартѣ 1649 года его взялъ предводитель загона Гарасько и перерѣзалъ до 400 уніатовъ и евреевъ, выгнавъ при этомъ изъ имѣнія Анну-Алоизу Ходкевичъ [1]).

Времена гетманства въ Малороссіи, въ томъ числѣ и на Волыни, были временами колебаній: одинъ гетманъ тянулъ къ Польшѣ, другой склонялся на сторону Россіи; но были и такіе, какъ, напримѣръ, Выговской, который, послѣ Богдана Хмѣльницкаго, перешелъ на сторону Польши, но въ то же время заботился о выгодахъ православныхъ. Онъ добился того, что, по Гадячскому договору съ поляками въ 1659 году, православнымъ обезпечивалась полная религіозная свобода: дозволялось строить

---

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПБ. 1888 г., стр. 171.

новые храмы, заводить духовныя школы, богадѣльни и проч. Пользуясь этимъ случаемъ, Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ въ 1659 году открылъ нетлѣнныя мощи преподобнаго Іова (Желѣзо) въ Почаевской лаврѣ и посвятилъ въ санъ епископа Луцкаго и Острожскаго князя Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго, который въ теченіе 25 лѣтъ стоялъ на стражѣ православія и русской народности на Волыни. Но эти благопріятныя для русскаго народа условія продолжались, однакожъ, не долго. Исполненіе обѣщаній о вѣротерпимости и уравненіи правъ, установленныхъ гадячскими статьями, продолжалось не долго или вообще упразднялось, такъ, напримѣръ, по Гадячскому договору православнымъ іерархамъ, въ томъ числѣ и Кіевскому митрополиту, предоставлялись мѣста въ сенатѣ; но когда они прибыли въ Варшаву, то въ сенатъ ихъ не допустили, и они должны были уѣхать изъ города. Еще раньше, а именно въ 1632 году, Петръ Могила получилъ изъ рукъ короля дипломъ на свободу вѣроисповѣданія православными; но въ результатѣ никакого улучшенія не послѣдовало, и православіе продолжало быть униженнымъ [1]); напротивъ, польскій сеймъ 1661 года высказался въ пользу уніатовъ, и іерархія послѣ епископства Винницкаго прервалась [2]). Послѣ заключенія Россіей Андрусовскаго договора съ Польшей, сеймъ 1667 года еще больше принизилъ православныхъ, вѣдѣніе которыми королемъ было поручено перешедшему въ уніатство Львовскому епископу Іосифу Шумлянскому. Послѣдній немедленно устранилъ православнаго Острожско-Луцкаго епископа Гедеона. Но это только повлекло за собою достойное возвышеніе послѣдняго. Этотъ смиренный пастырь оказалъ весьма большую услугу Россіи. Будучи Кіевскимъ митрополитомъ, послѣ вынужденнаго оставле-

---

[1]) В. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Кіевъ. 1885 г. т. I, стр. 276.

[2]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПБ. 1888 г., стр. 192.

нія Луцка, онъ счелъ справедливымъ и полезнымъ подчиняться не Константинопольскому, а Московскому Патріарху, чѣмъ собственно и положилъ прочное основаніе возсоединенію южно-русской православной церкви съ сѣверно-русской подъ властью Московскаго патріарха[1]). Со второй половины XVII вѣка на Волыни не было своего особаго епископа до возсоединенія съ Россіей. Къ 1720-му году вся западная Волынь въ шляхетствѣ была совращена въ унію; въ восточной же ея части овручская шляхта утратила православіе уже во второй половинѣ XVIII вѣка. Окончательное же поглощеніе папистами уніатовъ послѣдовало въ 1720 году на уніатскомъ соборѣ въ Замостьѣ, составленномъ уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Кишкою. На этомъ соборѣ уніатскою церковью принято filioque въ символѣ вѣры, признано главенство папы, принято ученіе о чистилищѣ, совершеніе евхаристіи на опрѣснокахъ, согласно постановленія Флорентинскаго собора, для одежды священниковъ распространено постановленіе Тридентскаго собора и установлены праздники Тѣла Господня и въ честь Іосафата; другими словами состоялось полное присоединеніе уніатовъ къ католичеству, съ сохраненіемъ лишь обрядовъ Восточной церкви. Въ 1726 году Левъ Кишка собралъ въ Житомірѣ волынское духовенство и предъявилъ ему для руководства постановленія Замостскаго собора[2]). Но надо сказать, что въ общемъ на Волыни унія не успѣла занять прочнаго положенія[3]), за то католическіе костелы и монастыри, эти папскія крѣпости, повсемѣстно сооружались перешедшимъ въ католичество въ большей своей части дворянствомъ. Изъ числа бывшихъ въ то время монастырей можно назвать: въ Острогѣ іезуитскій и капуцинскій, въ

---

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юзо-западнаго края. СПБ. 1888 г., стр. 197.

[2]) Девятисотлѣтіе православія на Волыни (992—1892) Житоміръ 1892 г., стр. 545.

[3]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПБ. 1888 года, стр. 206.

Межеричѣ и Шумскѣ францисканскіе, въ Староконстантиновѣ и Ляховцахъ доминиканскіе, въ Городищѣ и Вишневцахъ—кармелитскіе. Всѣхъ католическихъ монастырей на Волыни было 37. Несмотря на все происходившее въ этомъ краѣ, съ 1772 года обнаружилось среди народа явное стремленіе къ возсоединенію съ православіемъ и тяготѣніе къ Россіи. Политическія обстоятельства складывались въ этомъ направленіи благопріятно. Мудрая Императрица Екатерина II учла происходящее на пользу Россіи. Въ мартѣ 1793 года восточная часть Волыни, въ томъ числѣ и Острогъ, присоединена къ Россіи. Послѣ пораженія въ 1794 году Костюшки, атмосфера значительно очистилась, такъ что 18 іюня 1795 года уже вся Волынь сдѣлалась составною частью Россійскаго государства, послѣ четырехъ съ половиною столѣтій пребыванія подъ польскимъ ярмомъ, и съ этого времени въ ней введено россійское гражданское управленіе, при чемъ изъ большей части ея образована Изъяславская губернія, первымъ губернаторомъ которой былъ генералъ-маіоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ [1]). Причину введенія на Волыни общаго россійскаго управленія Императрица ясно изложила въ своемъ письмѣ къ Гримму, которому, послѣ третьяго раздѣла Польши, написала въ сентябрѣ 1795 года. «Выслушайте о Польшѣ историческую истину, основанную на неопровержимыхъ свидѣтельствахъ. При раздѣлѣ Польши, я не получила ни одного вершка Польской земли; но взяла то, что сами Поляки называли и называютъ Червонною Русью, т. е. воеводство Кіевское, Подолію, Волынь съ ея столичнымъ городомъ Владиміромъ, основаннымъ Владиміромъ I въ 992 году. Что касается Литвы и Самогетіи, то онѣ никогда не были Польшею. И такъ я не имѣю ни одного вершка Польской земли, а потому не могу быть Польской Королевой [2])».

---

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. 1888 г., стр. 233—234.

[2]) И. П. Корниловъ. Князь Адамъ Чарторійскій. Москва. 1896 года, стр. 71.

Одновременно съ устройствомъ гражданскаго управленія, учреждено на Волыни и духовное. По указу Императрицы Екатерины II, 13-го апрѣля 1793 года образована изъ всѣхъ присоединенныхъ областей одна епархія Минская, въ которую, между прочимъ, вошла и Изъяславская губернія. Епархіальнымъ архіереемъ назначенъ, находившійся во время польскаго владычества въ заключеніи, епископъ Викторъ Садковскій. Власть католическаго и уніатскаго духовенства была ограничена: многіе монастыри закрыты, уніатскіе же базиліанскіе монастыри подчинены мѣстнымъ православнымъ архіереямъ; нѣкоторыя уніатскія епархіи вовсе упразднены. Въ 1794 году въ Изъяславскую губернію св. синодомъ назначены изъ сосѣднихъ епархій священники, которымъ были поручены благочиненскія должности, епископомъ же Викторомъ въ то же время обнародована грамота съ призывомъ къ уніатамъ о присоединеніи къ православной церкви. Многіе приходы откликнулись и присоединились къ православію; но, при присоединеніи, встрѣтились большія затрудненія: уніатское духовенство, въ нѣкоторой своей части, не хотѣло ни присоединяться къ православію, ни оставлять своихъ мѣстъ въ присоединенныхъ приходахъ; мѣстные помѣщики принимали всѣ мѣры, до тѣлесныхъ наказаній включительно, чтобы удержать своихъ крестьянъ отъ перехода въ православіе; чинили они не мало насилій и надъ уніатскими священниками, пожелавшими возсоединенія; были случаи, что помѣщики отбирали церковные ключи отъ священниковъ, врывались въ храмы и, вырвавъ изъ рукъ священника крестъ и сосудъ со святой водой, выгоняли его изъ храма, иногда даже насильно разоблачали священника въ церкви, подвергали ихъ истязаніямъ, водили на веревкахъ, на нихъ ѣздили верхомъ [1]). Особенно яро заявляли себя противниками перехода крестьянъ въ православіе на Волыни Чарторійскіе,

[1]) М. Кояловичъ. Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. Спб. 1873 г., стр. 325.

Сапѣги, Сангушки, Любомірскіе, да и многіе другіе [1]); но движеніе остановить имъ было не подъ силу. Всѣхъ принявшихъ православіе на Волыни съ 1794 года по 1796 годъ было 481.125 человѣкъ. При этомъ не было употреблено никакого насилія; напротивъ, во избѣжаніе сего, даже былъ изданъ указъ св. синода отъ 22 апрѣля 1794 года, по которому воспрещалось всякое насиліе, и посему уніатскіе священники, не пожелавшіе присоединенія, пользовались полной свободой оставаться ли въ Россіи и получать пенсію (Полное Собраніе Законовъ т. XXIII № 17384), или уѣзжать за границу [2]). 12 апрѣля 1795 года учреждена особая Брацлавская православная епархія для Подоліи и Житомірское викаріатство, съ мѣстомъ пребыванія викарія въ Острогѣ. На эту каѳедру назначенъ архимандритъ Варлаамъ Шишацкій, съ возведеніемъ его въ санъ епископа. Построенный Анной-Алоизой іезуитскій коллегіумъ, правда, значительно пострадавшій во время народнаго движенія, переданъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства, такъ что оказалось зданіе, гдѣ можно было отвести помѣщеніе для епископа, духовной консисторіи и для духовной семинаріи [3]). Самостоятельная Житомірская епископія учреждена 16 октября 1799 года съ наименованіемъ архіерея епископомъ Волынскимъ и Житомірскимъ, но при этомъ она была соединена съ Варшавской епархіей, и лишь только въ 1860 году послѣдовало отдѣленіе Варшавской епархіи отъ Волынской.

Съ кончиною Императрицы Екатерины II, ростъ движенія по присоединенію отпавшихъ къ православію задержался, и это продолжалось до начала тридцатыхъ го-

---

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г., стр. 242.

[2]) Графъ Д. А. Толстой. Русскій католицизмъ въ Россіи. Спб., 1877 г. т. II, стр. 90.

[3]) Н. И. Теодоровичъ. Историко-Статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Почаевъ. 1888 г., стр. 655.

довъ XIX столѣтія. Дѣло пошло какъ будто бы даже на убыль: уніатскія епископіи возстановлялись [1]), и не только католическое и уніатское духовенство стало снова проявлять свою дѣятельность, но даже цѣлыя заграничныя католическія конгрегаціи направлялись въ Россію. Такъ, когда въ 1798 году монашескій орденъ траппистовъ долженъ былъ оставить Францію, ему предоставленъ былъ радушный пріютъ на Волыни, причемъ ему даже переданы захваченные уніатами православные монастыри Жидиченскій и Дерманскій. Къ счастью, этотъ орденъ оставался не долго въ краѣ. При семъ будетъ умѣстно сказать, что въ то же время вообще на Россійское государство католицизмъ оказывалъ сильное давленіе. Революція во Франціи вынудила тамошнюю знать и высшее духовенство оставить родину. Большинство изгнанниковъ направилось въ Россію, гдѣ, утвердившись, принялось за распространеніе католичества, въ особенности среди высшихъ классовъ, сочувственно отнесшихся къ жертвамъ революціи. Папскіе легаты съ своей стороны въ юго-западной Руси не пропускали случая укрѣплять и поддерживать стремленіе къ переходу въ католичество среди шляхты и высшаго дворянства. Въ особенности усердно работалъ въ этомъ направленіи папскій нунцій Литта [2]). Поддержки православію не было: церкви не только не созидались, но и не исправлялись. Въ Острогѣ, гдѣ при князѣ Константинѣ Константиновичѣ было семь церквей: Богоявленская (замковая), Николаевская, построенная еще княземъ Даніиломъ, Пятницкая, Борисоглѣбская, Пречистенская, Воскресенская и Онуфріевская, осталась лишь одна Пятницкая. Величественный Богоявленскій соборъ, начатый постройкой княземъ Василіемъ Краснымъ и оконченный княземъ Константиномъ Ивановичемъ, по распоряженію Анны-Алоизы Ходкевичъ, родной внучки

[1]) М. Кояловичъ. Чтеніе по исторіи западной Россіи. Спб. 1884 г., стр. 519.

[2]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г., стр. 252.

князя Константина Константиновича, былъ закрытъ и простоялъ затѣмъ въ запустѣніи около 250 лѣтъ. Преданіе говоритъ, что ускореніе закрытія Богоявленскаго храма было вызвано нижеслѣдующей причиной: въ день Пасхи Анна-Алоиза, возвращаясь въ замокъ со службы въ іезуитскомъ костелѣ при коллегіумѣ, приказала кучеру направить свой экипажъ такъ, чтобы онъ проѣхалъ по рядамъ расположившихся крестьянъ, пришедшихъ въ церковь для пасхальнаго освященія куличей и яицъ. Озлобленные православные крестьяне убили кучера и забросали отступницу яйцами, выбивъ при этомъ ей глазъ. Тогда Анна-Алоиза распорядилась немедленно закрыть храмъ и не впускать въ него никого. Приказаніе это строго исполнялось, такъ что, когда въ 1633 году епископъ Луцкій и Острожскій Аѳанасій (Александръ Пузына), обозрѣвая свою епархію, пріѣхалъ въ Острогъ и хотѣлъ войти въ каѳедральную замковую Богоявленскую церковь, то она оказалась закрытою и запертою шестью замками. Владыкѣ отъ имени Анны-Алоизы Ходкевичъ было объявлено острожскимъ старостой Адамомъ Буяновскимъ, что его, епископа, таковымъ признавать и въ церковь во владѣніяхъ Ходкевичъ пускать не велѣно [1]). Пречистенская церковь, построенная княземъ Ѳеодоромъ, захвачена католиками и въ настоящее время она служитъ приходскимъ костеломъ, напоминая лишь по своей архитектурѣ православнымъ, что это былъ нѣкогда ихъ православный храмъ. Въ описываемое время единственная бѣдная полуразрушенная приходская Пятницкая церковь, построенная княземъ Василіемъ Краснымъ, служила въ то же время и каѳедральнымъ соборомъ. Тяжелое снова настало время для православія,— время неувѣренности и колебаній, и положеніе русскаго дѣла въ первую четверть XIX вѣка было въ большой опасности въ юго-

---

[1]) М. Максимовичъ. Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Кіевъ. 1866 г., стр. 50.

западной Россіи. Впослѣдствіи всесильный князь Адамъ Чарторійскій, опираясь на довѣріе къ нему и благорасположеніе Императора Александра I, вмѣстѣ съ волынскимъ помѣщикомъ Ѳаддеемъ Чацкимъ, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго онъ находился, принималъ всѣ мѣры къ возстановленію Польши и укрѣпленію католичества, путемъ воспитанія польскаго и изъ семей, перешедшихъ въ католичество, русскаго юношества, и ополяченія, а съ тѣмъ и окатоличиванію всего русскаго населенія въ юго-западномъ краѣ. Въ лицѣ князя Чарторійскаго отразилась вся сила польско-католическаго воздѣйствія. Чарторійскіе, происходя отъ литовскаго князя Киригелло, умершаго въ 1390 году, исповѣдывали до 1598 года православную вѣру, которой измѣнилъ только Георгій, умершій въ 1620 году. Отецъ Адама Чарторійскаго, будучи уже католикомъ, былъ долгое время сторонникомъ Россіи и лишь съ 1792 года сдѣлался врагомъ ея. Назначенный попечителемъ виленскаго учебнаго округа, князь А. Чарторійскій получилъ возможность осуществлять свои намѣренія въ полной силѣ. Онъ привлекъ къ достиженію намѣченной цѣли Чацкаго. Послѣдній, будучи назначенъ главнымъ визитаторомъ училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, явился достойнымъ пособникомъ замысла Чарторійскаго. Прежде всего онъ началъ стараться о привлеченіи юношества въ Кременецкій лицей, устроенный въ 1809 году, гдѣ воспитаніе и обученіе поставлено было въ желательномъ для ополяченія смыслѣ; заботился, чтобы при каждомъ костелѣ непремѣнно была школа. Въ какомъ состояніи находились «русскія» учебныя заведенія, видно изъ отзыва одного изъ біографовъ митрополита Семашко Г. Я. Кипріановича, который говоритъ: «Немировская гимназія, подобно прочимъ учебнымъ заведеніямъ юго-западнаго края, по характеру образованія, по учебному языку и по составу учителей и учени-

---

[1]) И. П. Корниловъ. «Князь Адамъ Чарторійскій». Москва, 1869 г., стр. 3

ковъ, была чисто польскимъ учебнымъ заведеніемъ. Огромное число гимназистовъ были католики, дѣти польской и ополячившейся русской шляхты; уніатовъ и православныхъ было очень мало; конечно, тѣ и другіе вскорѣ теряли свои природныя національныя черты. Уроки Закона Божіяго преподавали католическіе монахи; къ обѣдни всѣ ходили въ костелъ; преподаваніе русскаго языка поручалось какому-либо преподавателю другого предмета и, конечно, поляку. Такимъ образомъ, преподаваніе русскаго языка приводило къ тому, что даже и тѣ, кто зналъ его, забывали» [1]). Съ увѣренностью можно сказать, что въ первую четверть XIX столѣтія число людей, говорившихъ на польскомъ языкѣ въ западныхъ губерніяхъ, удвоилось, а съ польскимъ языкомъ родился и польскій патріотизмъ [2]). Нѣкоторыя лица, ограничиваясь лишь религіозными желаніями, являлись иногда невольными пособниками князя Чарторійскаго, такъ, волынскій помѣщикъ графъ Илинскій [3]) испросилъ разрѣшеніе на открытіе въ своемъ имѣніи Романово, Острожскаго уѣзда, іезуитскаго училища, будучи искренно преданнымъ Россіи въ то же время человѣкомъ.

Насколько окатоличиваніе и ополячиваніе шло успѣшо, настолько совращеніе въ уніатство успѣхъ имѣло лишь слабый.

Послѣ 1825 года наступилъ переворотъ правительственнаго направленія въ отношеніи безразличія къ судьбѣ православія и русской народности. Императоръ Николай, вскорѣ же по восшествіи на престолъ, глубоко восчувствовалъ ту великую историческую неправду, которая выпала на долю западной Россіи и выразилась тѣмъ, что горсть пришельцевъ, враждебныхъ или, въ лучшемъ случаѣ, ненадежныхъ гражданъ Россіи, т. е. польскіе

---

[1]) Г. Я. Кипріановичъ. Жизнь Іосифа Семашки, митрополита Литовскаго и Виленскаго. Вильна, 1893 г., стр. 8.

[2]) И. П. Корниловъ. Князь Адамъ Чарторійскій. Москва. 1896 г., стр. 73.

[3]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г., стр. 260.

паны и ксендзы, угнетаютъ русскій народъ и все болѣе и болѣе удаляютъ его отъ Россіи. Почти съ первыхъ же дней своего царствованія Императоръ Николай обдумывалъ мѣры къ исправленію этой неправды, причемъ вниманіе государя прежде всего остановили на себѣ несчастные уніаты, оторванные въ 1596 году отъ православія искусною рукою, водившею постановленіями Флорентійскаго собора въ 1439 году, и поглощенные латинствомъ. Императоръ Николай поручилъ дѣло ихъ спасенія графу Д. Н. Блудову, замѣчательному человѣку своего времени, глубокообразованному, выдающемуся сановнику и истинному христіанину. Пойдя съ открытымъ сердцемъ на встрѣчу возникшему среди уніатовъ движенію къ возвращенію въ лоно православной церкви, поддержанному достославнымъ митрополитомъ, въ то время еще епископомъ, Іосифомъ Семашко, графъ Блудовъ оказалъ этому движенію большую помощь. Онъ видѣлъ, какъ глубоко сидятъ корни въ западномъ краѣ польско-католическаго давленія. Даже въ семьяхъ православнаго духовенства были посѣяны сѣмена ополячиванія. Графъ зналъ, что въ этихъ семьяхъ разговорный языкъ польскій; что «простой» русскій языкъ употребляется лишь въ сношеніи съ «простымъ» народомъ, что духовенство ведетъ между собою переписку на польскомъ языкѣ, что дочери священниковъ воспитываются въ польскихъ пансіонахъ, гдѣ всѣ предметы преподавались на польскомъ языкѣ, и русскіе воспитанницы не знали русской грамоты вовсе [1]), и самому графу Блудову случалось получать отъ священниковъ западнаго края письма, написанныя на польскомъ языкѣ.

Мысль объ укрѣпленіи русской народности на западной окраинѣ Россіи, а съ нею нераздѣльно и вѣры, которую исповѣдуетъ этотъ народъ въ мѣстности, находящейся, въ силу историческихъ событій, подъ неустаннымъ

---

[1]) Дѣло Главнаго Управленія братства за 1890 годъ.

*

напоромъ польско-іезуитскаго натиска, давно занимала графа Д. Н. Блудова. Мысль эта не была случайной или мимолетной. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она созрѣла и вылилась въ опредѣленную форму. Графъ Д. Н. Блудовъ съ необыкновенною ясностью изложилъ свои взгляды на наболѣвшій вопросъ русскаго дѣла на западной окраинѣ Россіи въ всеподданнѣйшей запискѣ отъ 21 ноября 1827 года [1]). Въ этой запискѣ графъ Д. Н. Блудовъ говоритъ: «Вашему Императорскому Величеству угодно было знать мое мнѣніе о запискѣ, поданной греко-уніатскимъ прелатомъ Семашко. Осмѣливаюсь начать изъявленіе онаго откровеннымъ признаніемъ, что сія бумага превзошла всѣ мои ожиданія. Я нашелъ въ ней не только любопытныя, отчасти новыя изъясненія объ уніи, но и общее, вѣрное, разительное изображеніе состоянія умовъ въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ въ отношеніяхъ религіозномъ и политическомъ, основательныя, даже глубокомысленныя, замѣчанія о причинахъ сего расположенія, о постепенномъ ходѣ зла, о необходимости и средствахъ остановить дальнѣйшіе успѣхи духовенства и дворянства въ прозелитизмѣ... Я буду стараться исполнить въ точности изъявленную мнѣ волю Вашу. Г-нъ Семашко, какъ кажется, не смѣлъ предложить одной весьма дѣйствительной мѣры, уже предначертанной Вашимъ Величествомъ: удаленіе изъ бѣлорусскихъ и русскихъ провинцій сего множества римско-католическихъ монаховъ, которыхъ справедливо называютъ передовою дружиною папъ». Предложивъ нѣкоторыя другія мѣры, графъ Д. Н. Блудовъ заканчиваетъ свою записку такъ: «Дабы разрѣшить сей вопросъ и нѣкоторые другіе, касательно образа исполненія вышеозначенныхъ предположеній, нужны еще многія справки и соображенія. Я немедленно займусь собраніемъ сихъ справокъ и буду имѣть

[1]) Собраніе бумагъ графа Д. Н. Блудова. Извѣстія Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы. Спб. 1885 г., стр. 191.

счастье повергнуть оныя, вмѣстѣ съ моими заключеніями, на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества».

Немного раньше записки графа Д. Н. Блудова, а именно 9 октября того же года, воспослѣдовалъ Высочайшій указъ, которымъ воспрещалось обращать уніатовъ въ католичество и принимать католиковъ въ уніатское монашество. На основаніи сего указа, епископомъ Іосифомъ Семашко была составлена записка, упомянутая выше, «О положеніи уніатской въ Россіи церкви и о средствахъ возвратить оную въ лоно православной церкви», каковая имѣла результатомъ, въ связи со всеподданнѣйшей запиской графа Блудова, воспослѣдованіе Высочайшаго указа отъ 22 апрѣля 1828 года, который установилъ порядокъ въ мѣрахъ къ утвержденію православія въ юго-западномъ краѣ [1]). Въ своей конфиденціальной запискѣ, отъ 5 ноября 1827 года, составленной по предложенію директора департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскаго, епископъ Семашко, между прочимъ, говоритъ. «Западно-русскій народъ, отторженный въ смутныя времена Литвой отъ Россіи и послѣ присоединенный къ Польшѣ, болѣе 200 лѣтъ сохранилъ безпрепятственно греческую восточную вѣру. Но польское правительство, зная, что единство вѣры есть главное основаніе государственнаго могущества, въ царствованіе Сигизмунда III стало нечувствительными мѣрами приготовлять унію. Какъ скоро соединеніемъ церквей устранена была преграда, оныя раздѣлявшая, то русскіе князья и прочіе вельможи, увлеченные обнадеживаніемъ двора и іезуитами, оставили вѣру своихъ предковъ и самую унію, дабы въ нѣдрахъ господствующей римско-католической церкви удовлетворить своему любочестію; но не столь легко было преклонить прочію часть народа и низшее духовенство». Перечисливъ разнообразныя, иногда весьма суровыя, мѣры, къ

---

[1]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г., стр. 273.

которымъ прибѣгали поляки для религіознаго совращенія народа, «Записка» говоритъ: «Пріемники Сигизмунда дорого заплатили за опытъ повелѣвать насильственно совѣстью народа. Нужно было придумать благоразумныя мѣры: умножены римскія монашескія училища, и русская земля наполнилась іезуитами и прочихъ орденовъ монастырями; не забыли, что безъ участія духовенства нельзя дѣйствовать на умы простого народа». «Стоитъ только, говоритъ дальше записка, удалить уніатовъ отъ римлянъ, стоитъ только дать посредствомъ воспитанія надлежащее направленіе умамъ духовенства полуторы тысячи уніатскихъ приходовъ, и народъ легко пойдетъ путемъ, пастырями своими указываемымъ... О, да поспѣшитъ правительство учрежденіемъ училищъ для уніатскаго духовенства». Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ представилъ эту записку Императору Николаю Павловичу. Прочитавъ записку, государь положилъ слѣдующую резолюцію: «Я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ записку, которую вы мнѣ прислали. Раздѣляю совершенно сей образъ мыслей и радуюсь, что случайно нашелъ въ уніатской церкви человѣка, который можетъ быть способенъ помочь намъ въ дѣлѣ, которымъ непрестанно занимаюсь и съ помощью Божіей приведу въ исполненіе. Вы можете ему объявить, что Я весьма доволенъ, что его узналъ» [1]). Несмотря на всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры, поляки не сложили оружія въ своихъ мечтаніяхъ на главенствующее положеніе въ западномъ краѣ. Возникло возстаніе 1831 года, кончившееся заслуженно для поляковъ; это возстаніе укрѣпило правительство въ мысли о необходимости принятія серьезныхъ въ краѣ мѣръ. Послѣдствіемъ такого рѣшенія между прочимъ было въ 1831 году возвращеніе православнымъ Почаевской лавры, захваченной уніатами, и закрытіе Кре-

---

[1]) И. П. Корниловъ. Князь Адамъ Чарторійскій. Москва. 1896 г., стр. 57—59.

менецкаго лицея, этого разсадника польскаго недовольства и католической пропаганды, и упраздненіе всѣхъ католическихъ монастырей. Результаты твердой дѣятельности правительства не замедлили сказаться: такъ, въ 1839 же году въ Волынской губерніи уніатовъ больше уже не было [1]); возникъ цѣлый рядъ православныхъ братствъ [2]); наибольшее число упорствовавшихъ изъ уніатскаго духовенства перекочевало въ Бѣлоруссію [3]). Не мало, конечно, было проявлено воздѣйствія польскими помѣщиками по отношенію своихъ крестьянъ—уніатовъ, желавшихъ перейти въ православіе. Мѣры были тѣ же, что и прежде: крестьянъ сѣкли и силою посылали препятствовать переустройству уніатскихъ церквей въ православные храмы [4]). Въ 1833 году графъ Д. Н. Блудовъ вступилъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и такимъ образомъ онъ сталъ на тотъ постъ, на которомъ ему предоставлена была возможность проявить въ полномъ объемѣ свою патріотическую дѣятельность по защитѣ на западной окраинѣ Россіи ея сыновъ, издревле православныхъ, отъ поглощенія ихъ воинствующимъ латинствомъ. Онъ всецѣло взялъ на себя эту трудную задачу, тѣмъ болѣе трудную, что со стороны православнаго духовенства, къ сожалѣнію, не всегда примѣнялись желательные порядки и способы при присоединеніи уніатовъ къ православію, на что обращалъ вниманіе и преосвященный Іосифъ Семашко въ своей запискѣ отъ 25 октября 1833 года, доложенной графомъ Д. Н. Блудовымъ Государю, и Императоръ Николай повелѣлъ «дѣйствовать въ семъ дѣлѣ осторожно и не торопливо» [5]). Въ виду

---

[1]) Батюшковъ. Волынь, Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г., стр. 280.

[2]) Тоже,—стр. 284.

[3]) Пр. Г. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи (1833—1839). Спб. 1910 г., стр. 4.

[4]) Батюшковъ. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Спб. 1888 г., стр. 279.

[5]) Пр. Г. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи (1833—1839 гг.). Спб. 1910 г., стр. 115 и 154.

возникшаго въ нѣкоторой степени разномыслія въ дѣятельности по разрѣшенію вопроса о присоединеніи уніатовъ между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ одной стороны и православнымъ луховенствомъ съ другой, Высочайше было повелѣно въ Іюнѣ 1834 года учредить комитетъ, въ цѣляхъ согласованія мѣръ, подъ предсѣдательствомъ Московскаго Митрополита Филарета. Во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 25-го мая 1835 года графъ Д. Н. Блудовъ, указывая на нѣкоторую неосторожность, допускавшуюся въ мѣрахъ при присоединеніи уніатовъ, испрашивалъ у Государя повелѣнія на открытіе дѣйствій сего комитета, чтобы дѣйствовать постепенно на преобразованіе уніатовъ по части учебной, церковному устройству, богослуженію и благочинію, на основаніи самыхъ буллъ папскихъ, положившихъ начало уніи; во вторыхъ, мѣры, принимаемыя по сему наружному преобразованію, такъ обдумывать и направлять, чтобы онѣ вмѣстѣ дѣйствовали и на окончательное обращеніе уніатовъ въ православіе» [1]). Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ была составлена инструкція для русскихъ архіереевъ, утвержденная, по докладу графа Д. Н. Блудова, Государемъ 9 февраля 1835 года [2]). Собственно говоря, основанія для инструкціи были еще раньше выработаны графомъ Д. Н. Блудовымъ, который рекомендовалъ православному духовенству соблюдать по отношенію уніатовъ братскую любовь и избѣгать враждебныхъ касательно ихъ дѣйствій въ виду того, что «они болѣе 200 лѣтъ были игралищемъ политическихъ видовъ Польши и римскаго прозелитизма, что они доведены необходимостью къ настоящему перерожденію, что, наконецъ, они и нынѣ состоятъ подъ вліяніемъ поляковъ, помѣщиковъ и римскаго духовенства, а посему лишь

---

[1]) Извѣстія Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 г. Спб. 1885 г., стр. 193.

[2]) Пр. Г. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи (1833—1839 гг.). Спб. 1910 г., стр. 171.

слѣдуетъ устранять именно это вліяніе, уніатское же духовенство надлежитъ привлекать путемъ освобожденія его отъ зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ» [1]).

Графъ Д. Н. Блудовъ видѣлъ, что спасеніе и охрана русской народности находятся въ непосредственной зависимости отъ образованія и духовнаго развитія молодого подростающаго поколѣнія, въ особенности женскаго, будущихъ матерей и воспитательницъ дѣтей, у которыхъ должно быть, по его убѣжденію, закрѣплено сознаніе, что онѣ и ихъ предки русскіе и православные, и что земля, на которой онѣ живутъ, издревле русская. Безъ училищъ, по мнѣнію графа Д. М. Блудова, нѣтъ спасенія. Графъ давно уже лелѣялъ мысль о призывѣ женщинъ къ борьбѣ въ защиту православія и народности на западѣ Россіи путемъ развитія въ школахъ сознанія необходимости этой борьбы. Обученіе и воспитаніе православныхъ дѣтей на западной окраинѣ въ то время было поставлено въ тяжелыя условія: дочери русскихъ людей, чиновниковъ и даже священниковъ, какъ было сказано выше, должны были посѣщать, а иногда и жить въ польскихъ пансіонахъ [2]). Кто не знаетъ воспріимчивой души женщины—съ одной стороны, и искусно ведомаго дѣла, закулиснаго воспитанія польскими ксендзами—съ другой; кто не понимаетъ, что именно должно получиться для поддержанія русской народности отъ такого воспитанія. Единственнымъ выходомъ къ спасенію русской народности графъ считалъ школу. Чѣмъ больше школъ, тѣмъ больше успѣха для русскаго дѣла. Въ каждомъ церковномъ благочиніи надлежало бы, по его мнѣнію, устроить школы. Глубоко увѣровавшій въ спасительное дѣйствіе школы, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, 18 февраля 1864 года, наканунѣ кончины, говорилъ своему духовнику протопресвитеру В. Б. Бажанову: «Мысль о жен-

---

[1]) Пр. І. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи (1838—1839 г.). СПБ. 1910 г., стр. 168.

[2]) Братство и его учрежденія, стр. 46.

скихъ училищахъ на западѣ преслѣдуетъ меня безпрестанно; она занимаетъ и утѣшаетъ меня въ длинныя безсонныя ночи». Въ самый же день кончины, всего лишь за два часа до отхода въ вѣчность, онъ сказалъ своей дочери графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой: «какъ я радъ, что князь Урусовъ [1]) написалъ къ митрополиту объ училищахъ при благочиніяхъ. Надѣюсь, что такія училища устроятся... Это мой послѣдній планъ, моя послѣдняя мысль и желаніе. Дай Богъ, чтобы она осуществилась и ты помогла этому» [2]). Еще нѣсколько ранѣе графъ Д. Н. Блудовъ высказывалъ графинѣ А. Д. Блудовой свои мысли о необходимости устройства на Волыни, въ цѣляхъ укрѣпленія въ православіи, а съ нимъ и въ народности, церковнаго братства во имя Св. Кирилла и Меѳодія [3]). Графъ зналъ, что братства въ общемъ на западѣ Россіи, въ томъ числѣ и на Волыни, оказали неоцѣнимыя заслуги въ дѣлѣ воспрепятствованія уклоненію отъ православія. Собственно говоря, первымъ лицомъ, подавшимъ мысль объ основаніи братства въ память Св. Кирилла и Меѳодія, былъ протоіерей при посольской церкви въ Вѣнѣ М. Ѳ. Раевскій, который мечталъ объ учрежденіи церковнаго братства или общества вродѣ Gustaw - Adolph's verein для вспомоществованія всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ, гдѣ бы они не находились, въ особенности когда они одиноки, безъ поддержки и подъ гнетомъ [4]). Графъ Д. Н. Блудовъ, посѣщая, во время своихъ пріѣздовъ въ Смоленскую губернію,

---

[1]) Князь Урусовъ, товарищъ оберъ-прокурора св. синода, другъ графа Д. Н. Блудова, съ которымъ послѣдній часто бесѣдовалъ и развивалъ планъ устройства въ западномъ краѣ женскихъ училищъ для дѣтей священно и церковнослужителей (Графиня А. Д. Блудова и Острожское братство. Спб. 1903 г., стр. 3).

[2]) Братство и его учрежденія. Сборникъ, стр. 46.

[3]) Тоже—стр. 47.

[4]) Отчетъ Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства за полугодіе 1884 г. и первые мѣсяцы 1885 года. Острогъ, 1885 г., стр. 10.

преосвященнаго Антонія епископа Смоленскаго, обсуждалъ вмѣстѣ нимъ высказанныя прот. Раевскимъ мысли о братствѣ, и оба они пришли къ выводу, что въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ предлагалъ прот. Раевскій, осуществить дѣло невозможно. Они предположили братство только для устройства и поддержанія женскихъ училищъ, особенно въ западномъ краѣ, и въ тотъ день (это было въ 1863 году), когда, во время дружеской бесѣды, зародилась первая мысль о братствѣ, преосвященный Антоній говорилъ графу Д. Н. Блудову: «Просвѣщеніе наше, въ силу многихъ случайностей, приняло слишкомъ односторонее направленіе и отчуждало насъ такъ долго отъ своего прошедшаго и отъ единства славянскаго, что даже церковь предала забвенію первоучителей нашихъ; и въ настоящее время, когда освобождается масса народа, и когда эта масса должна естественно придти къ сознанію необходимости ученія и школъ, пора намъ всѣмъ оглянуться на наше прошлое, сознать наше вѣковое заблужденіе и обратиться къ истинной, единственно оставшейся у насъ связи между всѣми слоями народа—къ нашей вѣрѣ, къ нашей церкви, къ нашимъ славянскимъ угодникамъ, которые связываютъ насъ и со всѣми славянами. Пора поставить наше народное и національное образованіе подъ призваніе св. Кирилла и Меѳодія [1]). Тогда же были намѣчены основанія братскаго устава, первоначальный набросокъ котораго вылился изъ подъ пера графа Д. Н. Блудова въ концѣ 1863 года въ опредѣленную форму. Первымъ подписавшимъ этотъ проектъ устава былъ министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ [2]).

---

[1]) Отчетъ Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1871 и 1872 г. Спб., 1873 г., стр. 41 и Извѣстія Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 г. Спб. 1885 г., стр. 201.

[2]) Извѣстіе Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства съ мая до ноября 1886 года. Спб. 1887 г., стр. 14.

19 февраля 1864 года графъ Д. Н. Блудовъ скончался, увѣренный, что его завѣтная мечта объ устройствѣ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, на Волыни, будетъ его дочерью графинею Антониною Дмитріевною Блудовой осуществлена.

Мечта графа сбылась: братство учредилось, и дѣятельность его продолжается уже пятьдесятъ лѣтъ.

Замѣченныя погрѣшности.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
20	7 снизу	Посеевинъ:	Поссевинъ:
27	выноска, 2 снизу	Библія 1582 г.,	Библія 1581 г.,
34	19 сверху	Сигизмунду Августу;	Сигизмунду III;